

варивалъ черемись оставить православную вѣру и возвратиться къ старой своей вѣрѣ, вызываясь быть о ней ходатаемъ предъ начальствомъ, увѣряя, что она есть истинная вѣра, дозволенная правительствомъ; для удобнѣйшаго же произведенія въ дѣйство своего зловреднаго предпріятія, онъ, пользуясь легковѣріемъ слабоумныхъ черемись, будто-бы и дѣлалъ денежный сборъ. Слухи сіи частію подтвердились тѣмъ, что сей бездомный черемисянинъ 12 августа подалъ въ Уржумскій уѣздный судъ прошеніе, будто-бы по приговору или довѣренности, данной ему отъ 200 черемись Сернурской и Буйской волости, въ которомъ прошеніи (писанномъ поручикомъ Ивановымъ, который подпискою обязанъ не писать никакихъ пришений) онъ Актышъ, какъ слышно, прописываетъ, что священники дѣлаютъ имъ притѣсненія и въ особенности какой то священникъ Косьма, такъ что отводятъ ихъ отъ исполненія черемисскихъ обрядовъ и заставляютъ отступать отъ вѣры, о чемъ подобное будто-бы прошеніе онъ подалъ и въ Вятскую духовную консисторію.

4) Дошли слухи, что изъ числа древнихъ христіанъ русскихъ есть такіе неблагонамѣренные люди, противники всякаго добра, которые, руководствуясь разными побужденіями и сообразуясь съ разными цѣлями, старались черемись возвратити опять въ ту же тьму, въ коей они находились.

Вслѣдствіе этого сообщенія, губернаторъ назначилъ «строжайшее на мѣстѣ изслѣдованіе»; таковое же было назначено и въ декабрѣ 1830 года по поводу полученія губернаторомъ препровожденной къ нему, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, Казанскимъ губернаторомъ жалобы черемись Уржумскаго уѣзда на притѣсненія Уржумскаго земскаго суда и нѣкоторыхъ священниковъ при позволеніи имъ отправлять молитвы по преданію ихъ предковъ. Чѣмъ и когда кончились всѣ эти, миссіонерствомъ возбужденныя, слѣдствія—изъ настоящаго дѣла не видно.

Въ виду многочисленныхъ недоразумѣній, возникавшихъ между духовнымъ и свѣтскимъ начальствомъ, крайняго усложненія переписки по миссіонерскому дѣлу, губернаторъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 8 сентября 1830 г. съ предположеніемъ «объ учрежденіи комитета по дѣламъ миссіонерства». Упомянувъ о возникновеніи, благодаря командировкѣ Московскаго протоіерея Покровскаго, мѣстнаго миссіонерства, губернаторъ писалъ, между прочимъ: «миссіонеры сіи, дѣйствуя въ исполненіи своихъ обязанностей, встрѣчаютъ болѣе или менѣе затрудненія въ достиженіи предположенной правительствомъ цѣли обращенія

язычниковъ въ правовѣріе или отъ упорства и невѣжества самихъ черемисъ или отъ противодѣйствія и ложныхъ внушеній въ дѣлѣ семь со стороны людей неблагонамѣренныхъ. Каждый изъ сихъ духовныхъ лицъ обращается съ своими донесеніями о затрудненіяхъ предпринятомъ дѣлѣ, съ предположеніями къ епархіальному начальству, а сіе относится ко мнѣ; земскія полиціи доносятъ начальнику губерніи, а сей по существу дѣла долженъ сноситься съ епархіальнымъ начальствомъ, и такимъ образомъ вѣдомства духовное и гражданское распоряжаются по своей части отдѣльно, и само по себѣ, должно предполагать, что безъ предварительнаго совѣщанія легко могутъ быть несогласны и мнѣнія въ мѣрахъ, чтобы дать дѣлу сему успѣшный ходъ. Зная всю важность цѣли правительства въ учрежденіи миссіонерства и пользы отъ того ожидаемой и потому, дабы мѣры и дѣйствія, предпринимаемыя въ семь дѣлѣ со стороны епархіальнаго и гражданского начальства, могли быть сближены и имѣть болѣе успѣха, на сей конецъ я признаю съ своей стороны совершенно необходимымъ, для разсмотрѣнія дѣйствій миссіонерства, учредить здѣсь особый комитетъ, коего члены будутъ состоять изъ преосвященнаго, начальника губерніи и вице-губернатора. Въ сей комитетъ будутъ вноситься всѣ поступающія бумаги отъ миссіонеровъ, здѣшней епархіей избранныхъ, равно какъ отъ градской и земской полиціи, и по общему обсужденію оныхъ предприниматься мѣры, какія каждое начальство признаетъ полезными. На такое предположеніе я долгомъ поставляю испрашивать отъ Вашего Сіятельства разрѣшенія». Это представленіе губернаторъ Ренкевичъ возобновилъ и въ слѣдующемъ году (отъ 11 марта 1831 года). Оно было сообщено въ святѣйшій синодъ, который и препроводилъ преосвященному Вятскому на разсмотрѣніе и для представленія своего мнѣнія. Но изъ дѣла видно, что и въ 1836 году это мнѣніе доставлено еще не было, почему и послано въ этомъ году подтвержденіе уже преосвященному Нилу о ускореніи симъ дѣломъ, какъ сообщалъ объ этомъ губернатору министръ внутреннихъ дѣлъ предложеніемъ отъ 11 января 1836 года, которымъ и оканчивается дѣло «о сконщѣ въ Уржумскомъ уѣздѣ черемисъ для жертвоприношенія».

III.

Уничтоженіе языческаго чума и священнаго рябиновзго дерева при с. Верхокосинскомъ. Татарскія окаяшки. Высочайшее повелѣніе о замѣнѣ языческихъ празднествъ православными молебнами. Вотачіе воржуды. Дѣла возбуждаемыя Яранскимъ окружнымъ управленіемъ.

Епископъ Кириллъ отношеніемъ своимъ отъ 28 марта 1831 года къ г. губернатору Ренкевичу сообщалъ, что при селѣ Верхокосинскомъ,

какъ видно изъ донесенія Глазовскаго миссіонера Іосифа Стефанова, сберегаются развалины одного деревяннаго языческаго молитвеннаго чума при домѣ новокрещеннаго Саввы Саитова, и хотя въ этихъ развалинахъ нѣтъ уже удобства производить языческія мольбы, но новокрещане приписываютъ имъ, особенно же выросшему среди ихъ рябиновому дереву, сверхъ-естественныя дѣйствія на отступниковъ отъ языческихъ жертвоприношеній, утверждая, что развалины сіи никогда не могутъ быть уничтожены, что дерево среди нихъ произросло дѣйствіемъ благодати божіей, низводимой доселѣ на землю чрезъ употребленіе рябиновыхъ прутьевъ для окропленія на томъ мѣстѣ языческихъ жертвоприношеній, и что произросло это дерево для напоминанія вотякамъ о святости древнихъ обычаевъ. Въ той же деревнѣ при дорогѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ по принятіи вотяками христіанской вѣры была построена первая христіанская молитвенная часовня, по упраздненіи ея поставленъ деревянный столбъ съ ящикомъ, къ нему-то новокрещане секретно относятъ хлѣбъ во время своихъ болѣзней и призываютъ злыхъ духовъ, чтобы они болѣзни ихъ перелагали на тѣхъ христіанъ, которые при проѣздѣ или проходѣ бросаютъ въ ящикъ деньги. «Какъ развалины чума съ рябиновымъ деревомъ, такъ и этотъ столбъ епископъ просилъ уничтожить чрезъ благонамѣреннаго земскаго чиновника секретно отъ новокрещанъ». Губернаторъ предписалъ Глазовскому исправнику, чтобы онъ, «не останавливаясь въ самой деревнѣ Ухтымской, дабы не обратить вниманія и не навлечь подозрѣнія вотяковъ, а проѣзжая только чрезъ оную», узналъ бы мѣстоположеніе развалинъ и разстояніе отъ крестьянскихъ строеній и явился бы о своемъ развѣдываніи донести г. губернатору, который, какъ видно, очень заботился объ осторожности въ подобныхъ дѣлахъ. «Я надѣюсь», писалъ онъ исправнику, «что при такомъ порученіи вы поступите съ крайнею осторожностію и благоразуміемъ».

Исправникъ только лишь въ августѣ мѣсяцѣ нашелъ возможность упомянутыя развалины «при удобномъ случаѣ секретнымъ образомъ истребить огнемъ до основанія», а равно и уничтожить столбъ съ ящикомъ.

Глазовскій миссіонеръ Стефановъ, какъ видно, неутомимъ былъ въ преслѣдованіи разнаго рода языческихъ обрядовъ, къ которымъ относилъ иногда и всякаго рода старинные обычаи, и вовсе нерелигіозные. Въ 1836 году онъ возбудилъ дѣло о преслѣдованіи новокрещенныхъ татаръ за совершеніе ими при участіи двухъ муллъ, совмѣстно съ некрещеными татарами и въ присутствіи вотяковъ, обряда тагъ

называемой окаяшки, который по доносу его сопровождается яко бы публичною молитвою, при чемъ доносили тоже, что, сверхъ указныхъ муллъ, проживающихъ въ Юберовской и Чутырской волостяхъ, другой уже годъ живетъ въ д. Ворцы пришлый изъ Омутницкой волости неуказный мулла Налли Чагановъ. Глазовскій исправникъ, которому губернаторъ поручилъ изслѣдовать, по настоянію архіерея, это дѣло донесъ слѣдующее: «новокрещенные татары деревни Шемардановской при начатіи пашни весною 1836 года, точно, окаяшки совершали, которыя заключаются въ обычаѣ, издревле предками ихъ отправляемомъ, слѣдующаго рода: когда сдѣлаютъ приступъ къ пашнѣ, каждый домохозяинъ съ своимъ семействомъ приходитъ въ поле, приносить съ собою хлѣбъ, соль и разную стряпню, пиво и вино, какъ бы, по ихъ мнѣнію, для чествованія земли и испрошенія отъ нея изобильнаго урожая хлѣба,—гдѣ и обѣдаютъ, угощая пришедшихъ туда коротко знакомыхъ сосѣднихъ селеній вотяковъ, а случайно и нарочно приходившимъ нищимъ подаютъ милостыню. Публичнаго и никакого богомолія тутъ не было. Затѣмъ молодые ребята и взрослые, въ утѣшеніе и похвалбу себѣ и удовольствіе другимъ, назнача разстояніе, скачутъ верхомъ на лошадяхъ чья чью перегонить. Отличившіеся получаютъ отъ собранія подарки, заключающіеся въ холщевыхъ полотенцахъ ⁸⁾. Противозаконныхъ и соблазнительныхъ дѣйствій никакихъ при томъ не происходитъ. О томъ чтобъ находились зрителями при совершеніи помянутыхъ окаяшекъ двое муллъ, какъ доноситъ миссіонеръ протоіерей Стефановъ, ни самый объявитель объ этомъ протоіерею Стефанову новокрещенъ Доміанъ Сунцовъ и никто изъ спрошенныхъ о томъ не показываютъ, кромѣ того что былъ тамъ одинъ татаринъ нищій Мустафа Араслановъ за милостыней. Сверхъ указныхъ муллъ въ Чуринской и Юберовской волости, находящихся въ деревнѣ Ворцахъ, не мулла, а просто грамотный татаринъ, точно, проживаетъ, занимаясь только ученіемъ татарскихъ дѣтей грамотъ по татарски».

Несмотря на незначительность этого дѣла, оно доходило и до синода и до Государя, который на докладъ объ этомъ министра внутреннихъ дѣлъ, повелѣтъ соизволилъ: «предписать Вятскому губернатору не тревожить народъ изслѣдованіями о сихъ обрядахъ».

Въ концѣ 1838 г. Вятскій преосвященный доносилъ святѣйшему пра-

---

⁸⁾ Можно думать, что здѣсь справлялся «сабанъ». Праздникъ этотъ никакого отношенія къ магометанству не имѣетъ, а есть скорѣе остатокъ старины, сохранившейся отъ времени до обращенія татаръ въ магометанство.

вительствующему синоду ⁹⁾, что Малмыжскаго уѣзда въ Мултанскомъ приходѣ, въ 20 верстахъ отъ церкви, близъ селенія Кильмецъ-Сельты нашель онъ два языческія мольбища, называемыя *воржудами* или *чумами*, и что въ этихъ воржудахъ, «похожихъ на сарай съ отверстіемъ вверху, находятся идолы, коимъ новокрещенные вотяки приносятъ въ жертву животныхъ и птицъ разнаго рода, по наставленію своихъ поповъ или ворожцовъ». Къ этому преосвященный присовокуплялъ, что возложенная на него, по Высочайшему повелѣнію, обязанность стараться замѣнять языческіе обряды христіанскими молебствіями не достигаетъ желаемой цѣли, какъ по грубому невѣжеству вотяковъ, такъ и потому, что «въ семъ случаѣ необходимо дѣйствіе гражданскаго начальства, ибо хотя священники, для удержанія вотяковъ отъ совершенія языческихъ обрядовъ, кромѣ должныхъ увѣщаній, запечатываютъ самыя ихъ воржуды, однако мѣра сія оказывается недѣйствительною, потому что вотяки, *не видя никакого препятствія со стороны мѣстной полиціи совершенію языческихъ обрядовъ*, смѣло срываютъ съ воржудовъ печати и совершаютъ жертвоприношенія». Почему преосвященный, вмѣнивъ обязанность мѣстному духовенству какъ можно чаще посѣщать новокрещенныхъ и увѣженіями своими отклонять ихъ отъ язычества и утверждать ихъ въ правилахъ вѣры христіанской, стараясь притомъ заводить по возможности при церквяхъ школы для образованія вотяцкихъ дѣтей, представлялъ святѣйшему синоду относительно этого предмета слѣдующія предположенія: 1) «всея языческіе вотяцкіе воржуды, принадлежащіе крещенымъ вотякамъ, вовсе уничтожить чрезъ посредство мѣстной полиціи при депутатѣ съ духовной стороны и впредь не допускать къ возобновенію таковыхъ строеній, 2) чтобы, согласно Высочайшей волѣ, мѣстнымъ полицейскимъ начальствомъ не преслѣдовать вотяковъ, увлекаемыхъ въ языческія заблужденія, но съ тѣмъ вмѣстѣ не давать имъ совершенной свободы отправлять свои языческіе обряды и 3) чтобы ворожцовъ и мнимыхъ языческихъ поповъ, если они покусятся совращать новокрещенныхъ своихъ единоплеменниковъ къ язычеству, предавать суду по всей строгости законовъ». Предположенія эти были сообщены министру внутреннихъ дѣлъ, который, раздѣляя съ одной стороны вполне мнѣніе преосвященнаго, находилъ однакожъ съ другой стороны, «что предположенія преосвященнаго, чтобы по примѣру закона о раскольническихъ часовняхъ, не позволять *некрещенымъ* язычникамъ ни поправлять существовавшихъ воржудовъ,

⁹⁾ Дѣло канцеляріи губернатора 1839 г. № 117.

ни вновь строить или заводить оныя въ какихъ-либо зданіяхъ, тѣхъ же, кои вознамѣрились бы поправлять или вновь строить подобныя воржуды въ какихъ-либо готовыхъ зданіяхъ, предавать суду, — неудобны въ исполненіи, такъ какъ сіи послѣднія мѣры, будучи нѣкоторымъ образомъ не согласны съ принятыми правительствомъ нашимъ правилами вѣротерпимости, могутъ притомъ показаться для некрещеныхъ вотяковъ гоненіемъ и дать поводъ къ ропоту, а можетъ быть и къ самымъ между ними волненіямъ». Приведенныя же выше предположенія, одобренныя святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ, предписано было привести въ исполненіе. Но изъ того же дѣла видно, что существенный первый пунктъ этихъ предположеній, по которому могло бы послѣдовать исполненіе, такъ и оставался лишь на бумагѣ.

Въ 1842 году по поводу донесеній нѣкоторыхъ начальниковъ губерній, относительно совершенія новокрещеными язычниками суевѣрныхъ обрядовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ представлялъ объ этомъ на усмотрѣніе Государя Императора, который, какъ это видно изъ предписанія министра отъ 26 октября того же 1842 года изволилъ повелѣть: «предписать начальникамъ губерній, гдѣ находятся новокрещеные язычники, чтобы они, наблюдая за недопущеніемъ новокрещеныхъ къ совершенію обрядовъ язычества, обращались въ подобныхъ случаяхъ къ епархіальнымъ начальникамъ для зависящаго съ ихъ стороны подтвержденія духовенству *всемѣрно стараться замѣнять языческіе обряды установленными церковью молебствіями къ вящему утвержденію новокрещенъ въ прасилахъ вѣры христіанской*». Съ этихъ поръ обыкновенно во всѣхъ возникавшихъ дѣлахъ по обвиненію крещеныхъ инородцевъ въ совершеніи ими языческихъ обрядовъ являлись въ концѣ концовъ со стороны высшей власти ссылки на это Высочайшее повелѣніе 1842 года, хотя оно было лишь повтореніемъ и раньше еще дававшихся повелѣній. Такимъ образомъ предписанія объ уничтоженіи молитвенныхъ чумовъ и кереметницъ не послѣдовало, но на основаніи прежняго предписанія отъ 14 марта 1839 года губернское правленіе сдѣлало распоряженіе, чтобы земская полиція *содѣйствовала* духовенству въ уничтоженіи у крещеныхъ вотяковъ упомянутыхъ въ отношеніи преосвященнаго чумовъ и воржудовъ.

Однако и 17 лѣтъ спустя послѣ такого распоряженія епископъ Ельпидифоръ 29 ноября 1856 г. писалъ губернатору слѣдующее: «миссіонеръ Глазовскій протоірей Юсіфъ Стефановъ, представилъ вѣдомость объ открытыхъ священниками въ теченіи 2-й трети текущаго года молитвенныхъ языческихъ чумахъ и одномъ кереметищѣ, по приходамъ

Узинскому и Мултанскому, состоящимъ въ Малмыжскомъ уѣздѣ, съ таковымъ объясненіемъ, что хотя въ 1843 году, какъ увѣдомилъ миссіонера священникъ Алексѣй Юфевъ, Вятскимъ губернскимъ правленіемъ было предписано старшему засѣдателю Малмыжскаго земскаго суда Заволжскому всѣ молитвенные чумы, въ какихъ-бы они зданіяхъ ни состояли, уничтожить и крещенымъ вотикамъ строго воспретить, чтобы они языческихъ обрядовъ и никакихъ жертвоприношеній исправлять не осмѣливались; но распоряженіе губернскаго начальства почему-то не было тогда исполнено; равно хотя и онъ, миссіонеръ, относился въ Малмыжскій земскій судъ, отъ 25 іюня текущаго 1856 года, прося его о выполненіи нынѣ того предписанія губернскаго правленія, но земскій судъ ему, миссіонеру, не отвѣчалъ, и молитвенные чумы, не исключая кереметища, съ принадлежащими къ нимъ воржудами, остаются доселѣ неприкосновенными. Сообщая объ этомъ, преосвященный просилъ «учинить распоряженіе объ уничтоженіи тѣхъ чумовъ и о наблюденіи, согласно предписанію г. министра внутреннихъ дѣлъ къ начальнику губернии отъ 26 октября 1842 г., чтобы тѣ чумы не были возобновлены и чтобы новокрещеными вотиками не были совершаемы какіе-либо языческіе обряды и моленія». Въслѣдствіе этого отношенія преосвященнаго затребована была изъ губернскаго правленія и изъ Малмыжскаго земскаго суда переписка по дѣлу объ уничтоженіи молитвенныхъ вотскихъ чумовъ, долго она не отыскивалась и лишь въ апрѣлѣ 1857 года губернаторъ могъ отвѣтить преосвященному, что губернскимъ правленіемъ предписано Малмыжскому земскому суду, чтобы онъ «въ уничтоженіи упомянутыхъ чумовъ или воржудовъ и кереметищъ и наблюденіи о невозобновленіи оныхъ поступалъ на точномъ основаніи предписанія министра внутреннихъ дѣлъ отъ 14 марта 1839 г.». Но, въ ожиданіи прямаго распоряженія объ уничтоженіи чумовъ, преосвященный вновь писалъ 27 апрѣля 1857 года, что священники Мултанскаго и Узинскаго приходовъ, «побуждаютъ съ своей стороны прихожанъ своихъ новобрещенъ уничтожать чумы съ воржудами, и новокрещены, хотя совершенно не упорствуютъ противъ этого, однако-жъ *ожидаютъ подтвержденія о томъ со стороны гражданскаго начальства, подозрѣвая въ самовымышленныхъ нововведеніяхъ мѣстныхъ священниковъ и говоря, что если существованіе молитвенныхъ чумовъ и кереметищъ съ воржудами богопротивно, то и противозаконно и правительство не потерпитъ*».

Вообще, надо замѣтить, что чины земской полиціи, какъ это видно изъ дѣлъ, не охотно оказывали требуемое отъ нихъ содѣйствіе и

потому часто давали повод духовенству жаловаться на равнодушіе гражданских властей къ дѣлу христіанскаго просвѣщенія инородцев¹⁰⁾.

Нѣсколько внимательнѣе къ возбуждаемому мѣстными священниками преслѣдованію языческихъ моленій относились въ 40-хъ годахъ окружные начальники, преимущественно Иранскій и Елабужскій, которые по волостямъ своего округа требовали отъ сельскихъ начальствъ уничтоженія вотяцкихъ мольбищъ и вообще наблюденія, чтобы крещеные вотяки «пребывали въ православіи».

Елабужское окружное управленіе въ февралѣ 1840 года, сообщая земскому суду о жертвоприношеніи вотяковъ въ Алпашевской волости¹¹⁾, заявляло, что крещеные вотяки «ни мало не обращаются къ правовѣрью и приносятъ жертвы въ имѣемыхъ при селеніяхъ ихъ шалашахъ, такъ что каждый домохозяинъ сего селенія почитаетъ свой языческій обрядъ гораздо важнѣе и тверже, нежели вѣру христіанскую. Таковыя жертвоприношенія бывають отправляемы въ зимнее время на мольбищахъ въ помянутыхъ шалашахъ или чумахъ, чрезъ посредство избираемыхъ поповъ, называемыхъ по вотски «восяськись». Такое общее моленіе въ состоящемъ при д. Контыровой шалашѣ, гдѣ множество крещеныхъ вотяковъ, молившихся съ колѣнопреклоненіемъ деревяннымъ болванамъ, застигнуто было врасплохъ волостнымъ начальствомъ и послужило предметомъ слѣдственнаго дѣла. Молившіеся заявляли, что они имѣють отъ начальства позволеніе «молиться по старому». При слѣдствіи переспрошено было подъ присягою множество народа. Слѣдственное дѣло было препровождено министру внутреннихъ дѣлъ, который представлялъ о немъ на усмотрѣніе Государя Императора. Высо-

¹⁰⁾ Любопытно въ этомъ отношеніи дѣло, возникшее по письму еп. Нила къ губернатору Тюфяеву (дѣло канц. губ. 1836 г. № 1154). Преосвященный писалъ, между прочимъ, 17 августа 1836 года: «Изъ свѣдѣній, доставляемыхъ миссіонерами, усматриваю, что новокрещане изъ вотяковъ и черемисъ, колеблемые въ вѣрѣ всякимъ вѣтромъ, сильно соблазняются, видя, что дѣйствующіе среди ихъ люди земской полиціи, будучи русскими, открыто употребляютъ въ посты мясную пищу. При такихъ примѣрахъ всякое убѣжденіе къ храненію постовъ остается рѣшительно бесполезнымъ». Въ виду этого преосвященный обращался къ губернатору—не найдеть-ли онъ возможнымъ предписать чинамъ земской полиціи соблюденіе постовъ во время разѣздовъ по инородческимъ селамъ. Губернаторъ по этому поводу входилъ съ представленіемъ къ министру графу Влудову, который отвѣчалъ такъ: «съ одной стороны явное несоблюденіе установленныхъ постовъ чиновниками земской полиціи среди невѣжественныхъ людей, дѣйствительно, можетъ имѣть нѣкоторое на нихъ вліяніе, но съ другой стороны, находя неблаговиднымъ дѣлать формальное о семъ предписаніе, я полагаю удобнѣйшимъ ограничиться тѣмъ, чтобы Ваше Пр—во при удобныхъ случаяхъ поставили на видъ земскимъ исправникамъ, а чрезъ нихъ и прочимъ членамъ земскихъ судовъ, означенное замѣчаніе духовнаго начальства».

¹¹⁾ Дѣло канцеляріи губернатора 1840 г. № 163.

чайшее повелѣніе послѣдовало такое: «не преслѣдовать помянутыхъ новокрещенъ, но поручить мѣстному духовенству стараться всемѣрно замѣнить языческіе обряды установленными православною церковью молебствіями».

Въ іюнь мѣсяцѣ того же 1840 года возбуждено было тѣмъ же Елабужскимъ окружнымъ начальникомъ дѣло о тайномъ моленіи въ лѣсу близъ деревни Старой-Игры ¹²⁾, совершонномъ крещеными вотяками разныхъ селеній Тихогорской (или Макаинсельгинской) волости. Здѣсь накрыто было сборище въ 145 человекъ, которые, окончивъ уже самое жертвоприношеніе, стояли на болѣняхъ съ преклоненными къ землѣ головами. «Въ такомъ же видѣ былъ ихъ жрецъ, который говорилъ какія-то молитвы; впереди его поставлено было много чашекъ съ масломъ, блинами». Здѣсь оказались принесенными въ жертву телушка и быкъ и пара гусей. Богомолье это продолжалось три дня и сопровождалось пиршествомъ, подъ руководствомъ крещеныхъ вотяковъ Прокофьева и Антонова, о которыхъ въ донесеніи сказано, что жрецы сіи суть первенствующіе и уважаемые жителями нѣсколькихъ селеній, лежащихъ близъ дер. Игры, подъ руководствомъ коихъ и прежде совершались подобныя молебствія и пиршества. На этотъ разъ молебствіе совершалось по общему согласію съ цѣлью испросить отъ Бога истребленіе червей, поѣдавшихъ на поляхъ озимь».

По представленію этого дѣла на благоусмотрѣніе Государя послѣдовало такое же Высочайшее повелѣніе, какъ и вышеприведенное, но съ такимъ добавленіемъ: «съ тѣмъ вмѣстѣ и гражданскому начальству поручить, чтобы оно, обще съ духовнымъ, имѣло наблюденіе за новокрещеными и старалось предупредить совершенія ими обрядовъ язычества».

Такимъ же точно образомъ окончивались дѣла, возбуждавшіяся въ 1840—1843 гг. Яранскимъ окружнымъ начальникомъ.

Въ іюль мѣсяцѣ 1840 г. производилось «исслѣдованіе» земскимъ исправникомъ и окружнымъ начальникомъ, при чемъ допрошено было болѣе 70 человекъ, по слѣдующему случаю: ¹³⁾ 8 марта два крещеные черемисина дер. Черномужа приносили въ лѣсу жертву кереметю. Въ висящихъ подъ разложеннымъ костромъ котлахъ варилось въ одномъ баранина, а въ другомъ рябчикъ, и подлѣ на елкѣ коптилась часть заколотой лошади, снѣгъ былъ расчищенъ и на немъ раскладены еловыя вѣтви, около которыхъ кругомъ, воткнуты прутьи, на

¹²⁾ Дѣло канц. губ. 1841 г. № 208.

¹³⁾ Дѣло канц. губ. 1840 г. № 161.

концахъ ихъ находилось по небольшой частицѣ вынутыхъ изъ баранины потроховъ, противъ каждаго сыраи изъ ржаной муки лепешка и тутъ-же смежно положено по одной картофели. Молились черемисы о дарованіи здоровья болѣвшимъ дѣтямъ. На этомъ засталъ ихъ подлѣсничій и донесъ о томъ окружному начальнику. При слѣдствіи черемисы заявляли, что церкви они не чуждаются, требованія ея исполняютъ, но и старой вѣры въ керемета оставить не могутъ, полагая, что «кереметь въ состояніи исполнить всѣ наши нужды и просьбы, когда мы его о томъ молить станемъ».

Такое же показаніе дали и черемисы Кугушерской волости, дер. Козловажу ¹⁴⁾, въ томъ же мѣсяцѣ совершавшіе большимъ обществомъ жертвоприношеніе и привлеченные къ слѣдствію.

Яранскій исправникъ, котораго, какъ видно, часто беспокоилъ окружный начальникъ сообщеніями о языческихъ жертвоприношеніяхъ въ уѣздѣ, заставляя этимъ производить безпокойныя и для полиціи «исслѣдованія», такъ доносилъ объ одномъ такомъ жертвоприношеніи, на которомъ пришлось ему, вслѣдствіе отношенія окружнаго начальника, присутствовать ¹⁵⁾: «13 мая прибылъ я въ дер. Кулянуръ (Шудоморинской волости) въ 5 часу по полудни и тутъ нашель г. окружнаго начальника Шаналинскаго, Яранскаго Троицкаго собора протоіерея благочиннаго и миссіонера Поликарпа Кувшинскаго и мѣстнаго села Макаровка священника Александра Емельянова. Они объявили мнѣ, что черемисы (крещеные) собрались въ лѣсу отъ деревни за двѣ версты, что они туда ходили, но къ нимъ вышли изъ лѣсу, вѣроятно завидѣвши ихъ, только три человекъ и на убѣжденіе остановить жертвоприношеніе и моленіе по ихъ обрядамъ отвѣчали сначала: «посмотримъ... хорошо», а наконецъ сказали, что совершать уже предположенное. Къ сему окружный начальникъ добавилъ, что онъ приказывалъ имъ остановиться въ своемъ дѣйствии и придти въ дерев. Кулянуръ на сходку для предположенной имъ повѣрки очередныхъ списковъ, но что прошло уже тому довольно времени, а они не являются, и что посланный за ними вновь деревенскій десятникъ не возвращался оттуда, слѣдственно они теперь совершаютъ свои жертвы. Почему и просилъ отъ меня дальнѣйшихъ распоряженій, не надѣясь самъ на добровольное повиновеніе собравшагося народа. Видя такое ослушаніе противъ начальника, могущее влечь за собою весьма непріятныя послѣдствія, особенно по сему пред-

¹⁴⁾ Дѣло кан. губ. 1840 г. № 177.

¹⁵⁾ Дѣло кан. губ. 1840 г. № 168.

мету, я тотчасъ отправился на мѣсто, куда послѣдовали за мною и онъ г. окружный начальникъ и протоіерей со священникомъ.

Въ лѣсу нашли мы нѣсколько горѣвшихъ костровъ, на которыхъ уже сожигались заколотыя жертвы: гуси, утки и трехъ-годовалый быкъ; у перваго огня насъ встрѣтили два человѣка (вѣроятно, нарочно вышедшіе) и на вопросъ сказали, что народъ молится среди лѣса на сборномъ для того мѣстѣ. Придя послѣшно туда, я нашелъ, что толпа стояла предъ огнемъ на колѣняхъ, въ шапкахъ, не переставая молиться; на кострѣ сожигалась какая-то жертва, по лѣвую сторону ихъ хвойныя лавки, установленныя пивомъ въ чашкахъ, ублаженныя разными лепешками, между коими горѣли восковыя свѣчи, и котель со сваренными частями изъ всѣхъ жертвъ для пищи. Люди допустили меня близко, не перемѣняя своего положенія, потомъ взглянули другъ на друга, узнали меня и тихо поднялись. Я вошелъ въ самую ихъ средину. На вопросъ—зачѣмъ они собрались?—отвѣчали: «молиться по своей старой вѣрѣ, чтобы Богъ далъ дождя». На дальнѣйшее убѣжденіе о неумѣстности ихъ поступка (разговоръ шель кроткій, въ выраженіяхъ доступныхъ ихъ понятію) они вновь отвѣчали, что это дѣлали ихъ предки и они обычая ихъ не покинуть. Тутъ подошли и сказанныя лица и въ убѣжденіе вступилъ также и отецъ протоіерей Кувшинскій и силою увѣщаній заблужденные были доведены до того, что согласились выслушать на этомъ же мѣстѣ православный молебенъ, что и было исполнено тотчасъ же имъ же протоіереемъ, которымъ все нужное было приготовлено съ собою; всѣ черемисы прикладывались къ святому Евангелію, животворящему бресту и иконѣ Спасителя, которую держалъ въ рукахъ приходскій священникъ, и были окроплены святою водою; потомъ ею же окроплены всѣ мѣста, на которыхъ сожигались жертвы. Примѣръ повиновенія довольно замѣчательный, ибо *на мѣстѣ жертвоприношенія этого никогда они не допускали*. Но чтобы вполне довершить повиновеніе, я приказалъ имъ огни залить, съ мѣста все убрать и идти съ нами-жь въ дер. Кулянуръ, куда требовалъ ихъ окружный начальникъ,—чему всѣ повиновались безпрекословно». Кромѣ разошедшихся на мѣстѣ жертвоприношенія найдено было 37 человѣкъ изъ 8 селеній.

«Обрядъ у черемисъ при этомъ случаѣ таковъ, что въ день совершенія жертвъ слышавшіе только объ этомъ, а не только участвующіе, не смотря ни на какое разстояніе, этотъ день не работаютъ, а празднуютъ». Въ заключеніе своего рапорта исправникъ «пріятною обязанностію» почелъ присовокупить, что миссіонеръ Кувшинскій «такъ

былъ доволенъ успокоеніемъ умовъ, обазавшимся явно въ согласіи ихъ отслужить молебень, что отъ радости проливалъ слезы. Господь видимо благословилъ чистоту и святость помышлений и молитвъ, чрезъ четверть часа желаніе черемисъ исполнилось: проливной и продолжительный дождь оживотворилъ землю».

Усердіе Яранскаго обружнаго начальника въ преслѣдованіи языческихъ жертвоприношеній доставляло, какъ видно, много хлопотъ земской полиціи и кромѣ того внесло не мало раздоровъ въ деревенскую жизнь: явились доносители, какъ изъ сельскаго начальства, такъ и изъ среды самихъ крещеныхъ черемисъ. Разсматривая дѣла, производившіяся по рапортамъ Яранскаго земскаго исправника въ 1840—1842 г., о совершеніи крещеными черемисами разныхъ деревень языческихъ обрядовъ и жертвоприношеній, очевидно, что совершеніе это было дѣломъ обычнымъ у всѣхъ черемисъ, которые рѣшительно не признавали за своимъ сельскимъ начальствомъ права вмѣшиваться въ ихъ религіозныя дѣла, а возбужденіе по нимъ изслѣдованій приписывали просто произволу, личной злобѣ и т. п. Въ разсмотрѣнныхъ нами восьми дѣлахъ за этотъ періодъ времени ¹⁶⁾, по которымъ обвинялись отдѣльныя лица изъ черемисъ, а также цѣлыя деревни, вездѣ находимъ заявленіе съ ихъ стороны, что они, «исполняя христіанскія правила, также приносятъ жертвы по обрядамъ язычества и оставить того не желаютъ». Изъ этихъ же дѣлъ видно, что жертвы всегда приносились въ обществѣ, а не отдѣльными хозяевами, хотя иногда обвинялись отдѣльныя лишь лица. Новокрещенъ изъ черемисъ Матвѣй Афанасьевъ Рождественской волости, деревни Поветы, такъ показывалъ о жертвоприношеніи 15 ноября 1840 года ¹⁷⁾: «Утромъ рано, пришедши ко мнѣ одножилецъ мой новокрещенъ-же Петръ Степановъ, сталъ просить меня сходить съ нимъ въ лѣсъ пособить ему исправить его обѣщаніе по своей черемисской прежней вѣрѣ, помолить бычка и барана; тогда я велѣлъ домашнимъ своимъ истопить баню, вымывшись въ ней и надѣвъ чистое платье, пошелъ къ Петру Степанову, который отрядивъ меня и еще двухъ человѣкъ, выдалъ намъ быка и двухъ барановъ, и для варенія мяса шесть чугунныхъ котловъ, велѣлъ ѣхать впередъ въ лѣсъ, пояснивъ притомъ, что въ лѣсу уже у него все приготовлено. По пріѣздѣ на мѣсто нашли тутъ приготовленныя дрова и одинъ сдѣланный костеръ; послѣ насъ вскорѣ пріѣхали Петръ Степановъ съ сыномъ, при-

¹⁶⁾ Дѣло кан. губ. 1840 г. № 192, 189, 1841 г. № 7, 1842 г. № 32, 29, 40, 25 1843 г. № 64.

¹⁷⁾ Дѣло кан. губ. 1840 г. № 192.

везя съ собою двѣ кадочки и въ сумѣ ржаныя лепешки, гуся живаго, двухъ зайцевъ и двухъ живыхъ пѣтуховъ. За нимъ пришли еще пять человѣкъ. Первоначально Петръ Степановъ прочиталъ по черемисски молитву, а потомъ Григорій Федоровъ, взявъ холодной воды, облилъ ею бычка и барана и когда встрепенулись, что означаетъ пріятность жертвы Богу, съ помощію другихъ закололъ, потомъ закололи гуся и пѣтуха; когда же сняли съ бычка и барана кожи, гуся и пѣтуха очистили, мясо говяжье и баранье разрубили на части и положили въ котлы и только что, повѣсивъ ихъ, начали варить, вдругъ пришли къ намъ на мѣсто волостной нашъ голова» и т. д.

Самъ же Петръ Степановъ показывалъ, что «товарищей приглашалъ единственно для нужнаго пособія при чинимыхъ обрядахъ; моленіе совершалъ черемисскому богу, именуемому по нашему «Кюдюрць-Юмо», по русски «богъ грома», слѣдуя вѣрѣ отцовъ, давъ на такую жертву обѣщаніе, по случаю неурожая хлѣба, скота и пчель, назадъ тому лѣтъ тридцать (?); но до прошлаго года не могъ того исполнить по недостаточному своему состоянію».

Спрошенные въ числѣ около 50 душъ жители окольныхъ селеній подъ присягою показывали, что «черемисы какъ деревни Поксты, такъ и вообще обитающіе въ краю нашемъ, держать вѣру старую черемисскую и молятся своему богу, ходятъ для сего въ лѣса и по языческому своему обряду приносятъ жертвы изъ скота и птицъ; *нынѣ-жѣ изъ опасенія отвѣтствія , стали дѣлать это осторожно, т. е. также часто, но не такъ явно*; для этой жертвы они скотъ покупаютъ самый изнуренный, разумѣется для дешевизны, ибо иногда у многихъ не достаетъ ихъ состоянія на жертвы, но тянутся изъ всѣхъ силъ, дабы что-нибудь принести своему Кереметю».

Впрочемъ, во избѣжаніе безпокойствъ, причиняемыхъ набѣдами изслѣдователей, которые обыкновенно привлекали массу людей для допросовъ, сельское начальство въ большинствѣ случаевъ, зная о жертвоприношеніяхъ, не доносило, даже когда случалось поймать, такъ сказать, на мѣстѣ преступленія, что видно изъ одного дѣла, возбужденнаго тѣмъ же Яранскимъ окружнымъ управленіемъ.

Въ д. Кидалъ-Солы черемисинъ Василій Максимовъ со своими сосѣдами приносилъ въ лѣсу жертву изъ трехъ барановъ и «на самомъ дѣйстви его идолопоклонства» пойманъ былъ сотскимъ Емельяновымъ и новокрещенымъ Родіоновымъ, которые отобрали отъ него мясо барановъ, жижи съ нихъ и 4 котла, но о преступленіи этомъ Максимова скрыли, какъ они, такъ и жители Кидалъ-Солы, и голова

волостной, приѣзжавшій нарочно «для розысканія идолопоклонства». Но по донесеніямъ окружнаго управленія, приставъ 2-го стана, «стараясь обличить всѣхъ изложенныхъ людей въ законопреступленіи, немедленно приступилъ къ изысканію справедливости», при чемъ оказалось, что всѣ они «чистосердечно сознались каждый въ своемъ преступленіи, ссылаясь изъ нихъ старшина на сотскаго, оговаривая, что онъ три дня пилъ отъ Максимова вино, чтобы скрыть его поступокъ, а сотскій на голову показывая, что сей послѣдній хотѣлъ донести начальству, однакожь всѣми умолчано». И по этому дѣлу около 50 душъ было переспрошено, при чемъ выяснилось что два десятника и два сотника отказались ѣхать въ лѣсъ со старшиною Васильевымъ для поимки своего односельца, такъ какъ и сами они «держатъ и будутъ держать старую вѣру». Самого же жертвоприносителя Максимова показаніе записано такъ: «домъ нашъ исполняетъ христіанскіе обряды, но никогда не оставлялъ, по примѣру прочихъ сосѣдей, и старой черемисской вѣры, состоящей главное въ языческихъ жертвахъ, приносимыхъ въ лѣсахъ; но какъ нынѣ за нами смотрятъ, чтобы мы не молились по старому, то всѣ по большей части и приносятъ жертвы по ночамъ, чтобы никто не видалъ. Такъ точно и я прошлаго года осенью въ ночь Дмитріева дня приносилъ жертву въ лѣсу, и жертва моя состояла тогда не Кереметю, котораго мы однакожь знаемъ, но одному Богу «Юмо-Серлягомъ», что значитъ: «сохрани Господи», трехъ собственныхъ моихъ барановъ; обряды при семъ производилъ обыкновенные своей вѣры, т. е. прежде полилъ крестцы животныхъ водою и когда они каждый порознь вздрогнули, что означало пріятность жертвы Богу, тогда закололи, а кровь, собравъ въ чашу, вылилъ на огонь. Жертву эту я принесъ по обѣщанію, сдѣланному за что то еще умершимъ назадъ тому лѣтъ пять отцемъ моимъ, о чемъ я узналъ по *повѣщенному въ амбаръ къ потолку чулунному котлу*, ибо черемиса, какъ скоро за что—либо обѣщаютъ по своей вѣрѣ жертву, привѣшиваютъ гдѣ-нибудь въ домѣ на веревку котель, который виситъ до самаго исполненія въ видѣ залога».

IV.

Молебствіе въ день языческаго праздника *ана-пуера* въ с. Марисолинскомъ. Медленность въ производствѣ дѣлъ по преслѣдованію языческихъ обрядовъ и жертвоприношеній. Дѣло о вотяцкихъ воровцахъ. Моленіе черемисъ въ дер. Средней Орьи въ 1844 г. Ходатаи за право молиться «по старому». Прошеніе о томъ черемисъ въ 1850 г. Дѣла по преслѣдованію языческихъ обрядовъ и жертвоприношеній въ 1847—1856 гг.

Не смотря на Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы не тревожили народъ изслѣдованіями его быта, эти изслѣдованія всетаки воз-

нижали и въ послѣдствіи благодаря тому, что болѣе ревностные священники, желая согласно предписанію начальства замѣнять языческіе празднованія православными молебнами, не всегда въ этихъ случаяхъ были достаточно осторожны, т. к. замѣна эта вызывала со стороны инородцевъ враждебныя отношенія, а иногда и оскорбленіе православной святыни.

Благочинный Уржумскаго уѣзда священникъ с. Юледурскаго Александръ Дьяконовъ рапортомъ отъ 22 іюля 1849 г. донесъ въ дух. консисторію, что священно-церковно-служители с. Марисолинскаго отравились съ св. иконами на мѣсто, гдѣ совершается повокрещеными черемисами полевой праздникъ, именуемый *ага-пуера*, при понятыхъ людяхъ и мѣстныхъ сельскихъ начальникахъ, встрѣтили дерзкое нападеніе со стороны черемисъ, а именно: нѣкоторые изъ черемисъ устремились на икононосцевъ съ кольями и одинъ ударилъ въ икону святителя и чудотворца Николая и спшибъ находившуюся вверху той иконы накладку, а на защищавшемъ св. иконы причетникѣ повредили стихарь. Духовная консисторія, получивъ такое сообщеніе, просила губернскаго правленіе сдѣлать по содержанию его надлежащее изслѣдованіе. Начальникъ губерніи обратился по этому поводу къ архіерею съ напоминаніемъ Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ 1842 году, о замѣнѣ языческихъ обрядовъ установленными церковію молебствіями. Преосвященный на такое напоминаніе весьма справедливо объяснилъ, «что въ настоящемъ случаѣ, при самомъ исполненіи священно-церковно-служителями означеннаго Высочайшаго повелѣнія, новокрещане обнаружили дерзкіе и противные правиламъ церкви поступки, подлежащіе преслѣдованію по законамъ», при чемъ преосвященный сообщилъ, что благочинный Дьяконовъ своевременно заявилъ приставу о происшествіи. Губернаторъ потребовалъ по этому поводу объясненія отъ Уржумскаго земскаго суда, который и отвѣчалъ, что дѣло о поступкахъ черемисъ Сернурской волости разныхъ селеній передано уже 13 октября въ уѣздный судъ. Губернаторъ, какъ видно это изъ переписки, находилъ, что, по полученіи отъ преосвященнаго отзыва, на преслѣдованіе по законамъ черемисъ Сернурской волости слѣдовало бы испросить отъ министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшеніе: согласно ли будетъ исполненіе такого требованія преосвященнаго съ Высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ въ 1842 году. Теперь испрашивать такое разрѣшеніе было уже поздно, такъ какъ дѣло было заведено, но благодаря медленности Уржумскаго земскаго суда, губернатору не было извѣстно положеніе этого дѣла. Только лишь 21 декабря Урж. зем. судъ увѣдо-

милъ губернатора о результатахъ произведеннаго непремѣннымъ засѣдателемъ Карауловымъ слѣдствія, по которому открылось слѣдующее: «Сернурской волости крещеные и некрещеные черемисы въ количествѣ 124 человекъ, дѣйствительно, собирались для приношенія языческой своей жертвы по древнему обычаю своихъ предковъ, каковое приношеніе они ни, въ какомъ случаѣ оставить согласія своего не изъявили; обрядъ же ихъ состоитъ въ заколотіи животныхъ, птицъ и употребленія всего этого въ пищу при зажженіи въ большомъ количествѣ восковыхъ свѣчъ. Въ самое это время священникъ с. Марисолинскаго Трофимъ Удюрминскій съ причтомъ и иконами, пришедши къ нимъ, отслужилъ на мѣстѣ жертвоприношенія ихъ молебствіе, къ чему всѣ они первоначально не допускали, но по убѣжденію священника допустили, и по окончаніи онаго отпавился. Черемисы же, при несеніи обратно иконъ, замѣтно что дѣлали дебоширства несшимъ святыхъ иконы, и въ это время легко могло случиться поврежденіе оказавшемуся на причетникѣ стихарю, какъ по свидѣтельству оказался довольно отъ времени ношенія ветхимъ и дыроватымъ, такъ ровно и накладбѣ у иконы св. Николая, укрѣпленной на двухъ небольшихъ тонкихъ деревянныхъ шпилькахъ». Въ этомъ рапортѣ земскаго суда замѣтно желаніе смягчить грубости черемисъ, о которыхъ въ донесеніи Сернурскаго волостнаго правленія сказано опредѣленіе: по окончаніи де молебна нѣкоторые изъ черемисъ (крещеные и некрещеные), озлобясь на священника, взявъ небольшія палки, кидали оными въ несшихъ святыхъ иконы и при этомъ киданіи палокъ, отшибли сверху накладбу у иконы св. Николая и при удержаніи причетника разорвали стихарь.

Полтора года спустя послѣ вышеприведеннаго рапорта земскаго суда (а чрезъ два послѣ самаго происшествія) губернаторъ потребовалъ отъ уѣзднаго суда немедленно донести ему, рѣшено ли это дѣло о поступкѣ черемисъ, на что и былъ полученъ отвѣтъ отрицательный; уѣздный судъ находилъ необходимымъ новыя еще разслѣдованія, о которыхъ и предписывалъ земскому суду три раза. Не смотря на «строжайшія» подтвержденія г. губернатора, дѣло не подвигалось, такъ что въ 1853 году потребовалось на все обращеніе по этому дѣлу со стороны епископа Епидифора къ начальнику губерніи съ просьбою, въ виду особенной важности этого дѣла, *въ теченіи четырехъ мѣтъ не поконченнаго производствомъ слѣдствія*, «учинить зависящее распоряженіе, дабы дѣло сіе немедленно было дослѣдовано и рассмотрѣно въ судебномъ мѣстѣ». Губернаторъ «въ послѣдній разъ строжайше пред-

писалъ» Уржумскому земскому суду немедленно выполнить указъ уѣзднаго суда. Но земскій судъ 7 декабря 1853 г. на это «последнее строжайшее» предписаніе отвѣчалъ лишь рапортомъ, что де «дѣло о поступкахъ черемисъ разныхъ деревень Сернурской волости во время праздника ага-пуера для должнаго въ чемъ слѣдуетъ дополненія передано г. земскому исправнику 15 декабря 1851 года, но отъ него въ судъ еще не поступало». На этомъ рапортѣ, очевидно, рукою г. губернатора карандашемъ написано: «этому дѣлу въ изслѣдованіяхъ и дополненіяхъ конца не будетъ. Нужно принять рѣшительныя мѣры къ скорѣйшему окончанію оного». Прошло тѣмъ не менѣе *еще три года*, пока наконецъ уѣздный судъ увѣдомилъ г. губернатора, что дѣло это имъ рѣшено и представлено на ревизію въ Вятскую судебную палату 5 декабря 1856 г. Въ палатѣ оно было доложено 19 августа 1857 г., о чемъ и препровождена г. губернатору записка того рода: «судебная палата рѣшеніемъ своимъ заключила: черемисина Степана Антонова 36 л. съ 25 товарищами въ удареніи коломъ по иконѣ Николая Чудотворца, изорваніи на причетникѣ стихаря и въ избитіи нѣкоторыхъ понятыхъ, по заpiresельству въ этомъ и недоказательству юридическими фактами, по 1169, 1175 и 1176 ст. 15 т., оставить въ сильномъ подозрѣніи; за бѣжаніе же съ кольями за священно-церковно-служителями, идущими съ иконами, какъ за неуваженіе къ бого-служебному обряду внѣ церкви, слѣдовало бы подвергнуть ихъ по 239 ст. улож. аресту при сельской расправѣ отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ, а деревенскимъ старшинамъ Иванову, Алексѣеву и другимъ, по 116 ст., сдѣлать внушеніе, чтобы они, видя противузаконныя поступки односельцевъ своихъ, старались ихъ удерживать отъ того; но отъ сего по силѣ манифеста 26 августа 1856 года освободить; обстоятельства же, относящіяся до священно-церковно-служителей села Марисолинскаго и Марисолинскаго сельскаго управленія начальниковъ, *оговориваемыхъ во взятіи съ черемисъ по 10 к. аси. съ каждою*, предать въ разсмотрѣніе о первыхъ Вятской дух. консисторіи, а о послѣднихъ Вятской палаты государственныхъ имуществъ, причемъ духовной консисторіи предоставить сдѣлать, на основаніи 218 ст. улож., распоряженіе о вразумленіи всѣхъ бывшихъ въ сборѣ для языческаго поклоненія крещеныхъ черемисъ по предмету оставленія ими языческихъ обычаевъ и о поступленіи съ ними по правиламъ церковнымъ».

Двадцать лѣтъ спустя послѣ дѣла о татарской окаяшкѣ встрѣчаемъ однородное «изслѣдованіе» о ворожбѣ у новокрещеныхъ вотяковъ.

Тотъ же Глазовскій миссіонеръ Стефановъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ

1857 года доносил¹⁸⁾ архіерею, что частію имъ самимъ, частію мѣстными священниками найдены въ средѣ вотяковъ ворожцы, своею ворожбою и суевѣрными дѣйствіями оказывающіе вредное вліяніе на новокрещенныхъ вотяковъ, поддерживая въ нихъ прежніе языческіе вѣрованія, обряды и обычаи, причемъ и названы 7 человекъ такихъ зорожцовъ. Всѣ они въ 1856 году дали подписки впредь отнюдь не производить никакихъ дѣйствій ворожбы по прежнему языческому обычаю, но, не смотря на это обязательство, продолжаютъ свою ворожбу. Архіерей просилъ губернатора «учинить распоряженіе о принятіи мѣръ къ удержанію поименованныхъ ворожцовъ отъ совершенія ворожбы». Согласно предписанію губернатора ворожцы были преданы суду. Но Малмыжскій исправникъ рапортомъ отъ 26 ноября доносилъ губернатору, что «оглашеніе миссіонера Стефанова по предварительному изысканію не подвердилось», а потому онъ, не приступая къ формальному слѣдствію, представлялъ это обстоятельство на разрѣшеніе г. губернатора. При этомъ исправникъ сообщалъ, что «въ пріѣздъ миссіонера, дѣйствительно, крестьянина Анисимова дома не было, но онъ отлучался не для ворожбы, какъ заключаетъ протоіерей Стефановъ, а ходилъ по окрестнымъ селеніямъ и собиралъ милостыню, ибо по совершенной бѣдности и притомъ будучи слѣлъ прокормить себя не въ состояніи». Губернаторъ, увѣдомивъ объ этомъ архіерея, предложилъ вмѣстѣ съ тѣмъ палатѣ государственныхъ имуществъ принять мѣры къ оказанію призрѣнія слѣпому вотяку Анисимову для воздержанія его отъ снискиванія себѣ пропитанія подаваніемъ.

Дѣла подобнаго рода производились иногда по нѣсколько лѣтъ. Такъ напр. одно дѣло «относительно совершенія черемисами въ лѣсу молебствія кереметю»¹⁹⁾ тянулось одиннадцать лѣтъ: начавшись въ 1844 году, было окончено лишь въ 1855. Началось оно донесеніемъ волостныхъ властей Кужнурской волости, Уржумскаго уѣзда, объ обидѣ, нанесенной волостному засѣдателю и писарю новокрещеными черемисами при преслѣдованіи ихъ богомолья въ лѣсу. Дѣло было такъ. 29 сентября 1844 года засѣдатель съ писаремъ, ѣхавши въ дер. Осташевскую, замѣтили близъ черемисскаго селенія Средней Орьи стелющійся изъ лѣсу дымъ, а подлѣ лѣса прятавшагося за ель новокрещена изъ черемисъ Федота Тимофеева, который тотчасъ бросился отъ нихъ бѣжать, «спрятываясь въ кусты лѣса, впазывая въ густоту чащи, такъ

¹⁸⁾ Дѣло канц. губ. 1857 г. № 355.

¹⁹⁾ Дѣло канц. губ. 1847 г. № 8.

что трудно его было двоимъ ловить, однакожь съ помощію ящика тотъ черемисинъ былъ схваченъ съ исцарапаннымъ лицомъ». Засѣдатель съ писаремъ розыскивали затѣмъ въ этомъ лѣсу мѣсто черемисскаго богомоля, на которомъ нашли убитаго теленка, изрѣзаннаго уже въ куски, два большіе чугуныя котла и прочія приготовленія къ трапезѣ. Все это они сложили въ телѣгу, принадлежавшую черемисину, и, оставя на мѣстѣ мольбища своего ящика, вывезли изъ лѣсу съ тѣмъ, чтобы отправить въ волостное правленіе. Но тутъ набѣжали человекъ 15 черемисъ и, схвативъ колья, остановили ихъ и «кричали что то по своему». Засѣдатель и писарь, «видя ихъ остервененіе,» побѣжали въ русскую деревню Малую Толмань, откуда и послали двухъ русскихъ верхомъ за своимъ ящикомъ; но черемисы ящика съ мольбища не отпустили и заявили русскимъ посланцамъ, что товарища ихъ черемисина Федота Тимофеева волостное начальство такъ избило, что онъ сильно занемогъ и они намѣрены послать за священникомъ для пріобщенія его.

Такъ какъ губернаторъ Тюфяевъ предписаніемъ отъ 30 апрѣля 1836 г. распорядился, чтобы о разнаго рода языческихъ жертвоприношеніяхъ, не производя формальнаго слѣдствія, немедленно бы сообщали начальнику губерніи для доведенія до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ и ожидали бы на производство такихъ слѣдствій особаго разрѣшенія, то Уржумскій исправникъ, своевременно донесъ объ упомянутомъ выше происшествіи, ожидая по этому предмету особаго распоряженія. Прошло 2½ года, и новый уже исправникъ въ январѣ 1847 г. вновь испрашивалъ по этому предмету особаго отъ губернатора разрѣшенія. Но такъ дѣло это съ января 1847 г. по іюнь 1855 года и не двигалось. «Нынѣ, писалъ 15 іюня 1855 г. исправникъ, по секретному дознанію открылось, что дѣйствительно черемисинъ деревни Средней Орьи Федотъ Тимофеевъ совершалъ жертвоприношеніе, а въ обидѣ засѣдателя и писаря никакихъ доказательствъ нѣтъ». Губернаторъ приказалъ, наконецъ, прекратить возникшую объ этомъ переписку, но преосвященному всетаки, сообщая объ этомъ дѣлѣ, написалъ: «хотя со времени этого жертвоприношенія прошло уже *болѣ десяти лѣтъ*, но тѣмъ не менѣе долгомъ считаю о семъ случаѣ сообщить вашему преосвященству на тотъ предметъ, что, быть можетъ, ваше пр—во и въ настоящее время изволите признать нужнымъ сдѣлать какое — либо зависящее отъ епархіальнаго начальства распоряженіе по сему предмету».

Эта брайняя медленность въ производствѣ гражданскими властя-

ми дѣлъ о языческихъ жертвоприношеніяхъ, а главнымъ образомъ существованіе неоднократно повторенныхъ секретныхъ предписаній со стороны высшаго правительства о возможно большей осторожности и снисходительности въ преслѣдованіи инородцевъ за ихъ суевѣрія, что могло быть, конечно, извѣстно и самимъ инородцамъ, — все это порожило не мало недоразумѣній: изъ нѣкоторыхъ дѣлъ видно, что инородцы вѣрили въ разрѣшеніе имъ со стороны Государя молиться «по старому» и всѣ преслѣдованія языческихъ обрядовъ приписывали злоупотребленіямъ и произволу ближайшихъ властей.

Видно, что находились и такія лица, какъ заявлялъ объ этомъ и преосвященный, которыя, пользуясь престодушіемъ инородцевъ, брались (конечно за деньги) ходатайствовать о разрѣшеніи молиться по старому. Да и сами священники, надо думать, находили подчасъ для себя выгоду если не разрѣшать таковое моленіе, то смотрѣть на него сквозь пальцы. Такъ еще въ 1839 г. по представленію Вятской палаты госуд. имущ. возникло дѣло, по которому обвинялся священникъ (миссіонеръ) Двиняниновъ въ сборѣ съ вотяковъ денегъ за позволеніе имъ отправлять языческіе обряды.²⁰⁾ Слѣдствіе, произведенное временнымъ отдѣленіемъ Сарапульскаго земскаго суда, дѣйствительно, подтвердило жалобу крещеныхъ вотяковъ разныхъ селеній, принесенную было ими окружному начальнику, котораго они просили защититъ ихъ отъ взятокъ и притязаній священника. Спрошено было 46 человекъ и всѣ они согласно показали, что означенный миссіонеръ, пріѣзжая къ вотякамъ, вымогалъ съ нихъ деньги за позволеніе свободно молиться по древнему вотскому обычаю въ лѣсу или гдѣ они захотятъ, при томъ «угрожая намъ, говорили они, что если откажемъ въ дачѣ денегъ, то будетъ онъ насъ тѣснить, преслѣдовать и предавать къ законному сужденію. Хотя мы и не исполняемъ языческихъ обрядовъ, но, изъ страха угрозъ его и чтобъ избавиться отъ стѣсненій, вынуждены были дать денегъ и дали всѣ единожители, давали же съ дому каждый въ виду всѣхъ по одному рублю самому священнику Двинянинову».

Въ виду такихъ фактовъ, инородцы долго могли оставаться въ увѣренности, что дозволеніе имъ свободно «молиться по старому» въ концѣ концовъ зависить отъ усмотрѣнія начальствъ, а потому они еще въ весьма недавнее время рѣшались обращаться съ коллективными просьбами о дозволеніи имъ держаться старыхъ ихъ религіозныхъ

---

²⁰⁾ Дѣло канц. губ. 1839 г. № 184.

обычаевъ. Такъ въ декабрь 1850 г. въ Стрѣтенской волости, ²¹⁾ во время бытности тамъ Яранскаго окружнаго начальника, «собрались къ волостному правленію изъ разныхъ вѣдомствъ черемисы *до семи сотъ человекъ* и изъ числа ихъ одинъ, Яковъ Андреевъ, явись въ присутствіе правленія, отъ имени собравшихся, просилъ позволенія отправлять молебствіе въ лѣсу при деревнѣ Тожь-Солѣ по прежнему ихъ обычаю; но какъ это противно христіанской религіи отъ него дозволенія не было, а Андреевъ отданъ подъ надзоръ волостнаго правленія; прочіе же, не смотря на убѣжденія, чтобъ оставить столь богопротивное служеніе и приношеніе въ жертву лошадей, по настоящее время не оставляютъ продолжать». На дальнѣйшія дѣйствія по этому дѣлу судъ и испрашивалъ разрѣшенія губернатора, который, не назначая судебного преслѣдованія, сообщилъ лишь объ этомъ случаѣ архіерею, имѣя въ виду Высочайшее повелѣніе 1842 года; а когда, въ іюнь того же 1851 года, земскій судъ вновь обратился съ рапортомъ по тому же дѣлу, то губернаторъ, повторивши вновь свое сообщеніе преосвященному, предписалъ суду «перелиску по настоящему дѣлу почислить конченою».

Въ виду такихъ исходовъ нѣкоторыхъ донесеній со стороны уѣздныхъ гражданскихъ властей, они и не всегда были исправны въ самыхъ сообщеніяхъ своихъ о происходившихъ въ томъ или другомъ мѣстѣ проявленіяхъ язычества. Когда же къ г. губернатору поступало заявленіе о какомъ-либо происшествіи подобнаго рода отъ архіерея, а между тѣмъ о томъ же не было донесенія со стороны полиціи, то этой послѣдней дѣлалось «строжайшее» замѣчаніе. ²²⁾ Такъ въ томъ же 1851 г. архіерей сообщалъ губернатору отъ 7 сентября, что «нѣкоторые новокрещане изъ вотяковъ (Малмыжскаго уѣзда) деревни Нылги-Вамья въ исходѣ декабря мѣсяца 1850 года скрытнымъ образомъ приносили въ жертву, въ углубленіи состоящаго при ихъ селеніи лѣса лошадь, которую тамъ зарѣзали и употребляли всѣ бывшіе тамъ жители въ пищу; вслѣдствіе чего сельскими начальниками былъ дѣланъ обыскъ въ томъ лѣсу и дѣйствительно на томъ мѣстѣ, гдѣ приносили въ жертву лошадь, найдены крючья для вѣшанія котловъ, снѣгъ весь смятъ и на ономъ много крови и отъ того мѣста примѣрно въ ста сажняхъ въ остожьѣ крестьянина Николая Григорьева также оты-

²¹⁾ Дѣло канц. губ. 1851 г. № 100 «о идолопоклонствѣ черемисъ разныхъ селеній».

²²⁾ Дѣло канц. губ. 1851 г. № 120 «о приношеніи языческихъ обрядовъ вотяками дер. Нылги-Вамья».

сканы голова и ноги лошадиныя». Архіерей, сообщая о сдѣланныхъ имъ по этому поводу распоряженіяхъ, просилъ губернатора съ своей стороны «учинить зависящее распоряженіе о предписаніи кому слѣдуетъ, чтобы новокрещены къ совершенію обрядовъ язычества допускаемы не были».

Вслѣдствіе этого г. губернаторъ, подтвердивши всѣмъ земскимъ судамъ предписаніе отъ 26 января 1846 г. о таковомъ «недопущеніи», вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчая, что нѣкоторыя полиціи не всегда доставляютъ донесенія объ обнаруживаемыхъ случаяхъ совершенія языческихъ обрядовъ, предписывалъ непременно доносить о каждомъ такомъ случаѣ, не приступая однако же къ изслѣдованію безъ особаго его разрѣшенія.—Получивши же отъ полиціи такое донесеніе, г. губернаторъ сообщалъ о немъ архіерею для принятія надлежащихъ мѣръ со стороны духовенства, чѣмъ большею частію, послѣ Высочайшаго повелѣнія 1842 г., и оканчивалось дѣло, хотя прежде чѣмъ дойти до г. губернатора, оно иногда и возбуждало немало «изслѣдованій на мѣстѣ» чинами земской полиціи. Такъ, напримѣръ, Яранскій земскій судъ только лишь 10 декабря 1849 г. представилъ одно дѣло ²³⁾ о языческомъ молебствіи, начатое судомъ въ апрѣлѣ 1848 г. по поводу происшествія, случившагося въ ноябрѣ 1847 г. Такимъ образомъ, самое то происшествіе, послужившее для земскаго суда предметомъ «дѣла», дошло до свѣдѣнія губернатора позже чѣмъ черезъ два года. Происшествіе же заключалось въ слѣдующемъ: Пиштанской волости магаровскій сельскій старшина 11 ноября 1847 г., подѣзжая къ деревнѣ Пижанкѣ, замѣтилъ подлѣ нея въ лѣсу большой дымъ и отправился въ лѣсъ, но тутъ встрѣтилъ его крестьянинъ дер. Шатерки Степанъ Осиповъ и объявилъ ему, что въ томъ лѣсу поселяне д. Пижанки отправляютъ идолопоклонническія молебствія и рѣжутъ разнаго рода скоть. Старшина, осмотрѣвши шкуры зарѣзанныхъ овецъ на мѣстѣ жертвоприношенія, отправился въ д. Пижанку къ десятскому Алексѣю Федорову, куда собрались и многіе поселяне той деревни, приступая къ старшинѣ съ разными «привязчивыми вопросами: кто дозволилъ ему быть въ ихъ лѣсу при исполненіи ими своихъ обрядовъ и кто дозволилъ ему пріѣхать сюда». Жена же Алексѣя Федорова назвала старшину дуракомъ и мошенникомъ и говорила ему другія ругательныя слова. Другіе же поселяне говорили, что если бы они сами застали старши-

²³⁾ Дѣло канц. губ. 1849 г. № 72 «о произведенномъ черемисами Пиштанской волости идолопоклонническаго молебствія».

ну и писаря въ лѣсу, то непременно бы ихъ связали и «подвѣсили въ елкамъ». Послѣ такихъ ссоръ всѣ однодеревенцы уже вмѣстѣ со своимъ сельскимъ старшиною Федоровымъ отиравились въ лѣсъ и продолжали моленіе и пириество. Черезъ полгода послѣ этого происшествія произведено было о немъ дознаніе. Множество народа было переспрошено и подъ присягою, и безъ присяги и всѣ показали, что дѣйствительно въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1847 года всѣ они, посовѣтовавшись отправить, *по заведенному ежегодно азъ семь же мѣсяцъ порядку*, въ лѣсу поклоненіе, доставили въ назначенный для жертвоприношенія день двухъ быковъ, нѣсколько овецъ, гусей и утокъ. Заколовши всѣхъ тѣхъ животныхъ и птицъ, раскляли въ трехъ мѣстахъ огонь и надъ нимъ мясо сварили въ котлахъ. Но тутъ внезапно появился мѣстный старшина Андрей Журавлевъ съ писаремъ и ямщикомъ и крестьянинъ починка Шатерки Степанъ Осиповъ; произошла вышеописанная ссора. Самое моленіе, по показанію Петрова, отправлялось такъ: «ставши всѣ вдругъ на колѣна, не крестясь, но поднявши обѣ руки вверхъ, просили подать всего жизненнаго и кромѣ того—о здравіи всего семейства (о чемъ было мое обѣщаніе). Помолившись такимъ образомъ, продолжали изъ свареннаго мяса и принесеннаго хлѣба обѣдъ. Кончивши оный, оставшіяся кости жгли на огнѣ, а сердца и печени означенныхъ животныхъ бросили и сожгли также на огнѣ въ жертву. Послѣ чего вечеромъ всѣ разошлись по домамъ, взяли при томъ каждый съ собой снятыя шкуры. Впослѣдствіи за быка я получилъ съ односельцевъ по добровольной ихъ складкѣ 1 р. сер.» При этомъ Петровъ послѣ прибавилъ, что «прочія мѣста, гдѣ замѣчены кости, есть *прежнихъ лѣтъ, на которыхъ также было отправляемо подобнымъ образомъ жертвоприношеніе*». Нѣкоторые изъ спрошенныхъ лицъ показали, что «объ упомянутомъ нашемъ молебствіи знали мѣстные священники, знали они и прежде сего, отъ которыхъ пастырскаго увѣщанія, что это есть противное—не получали». Конечно, записывая подобныя показанія безграмотныхъ черемисъ, не говорившихъ при томъ большею частию по русски, слѣдователь причинялъ этимъ немалую непріятность мѣстнымъ священникамъ. Хотя, безъ сомнѣнія, въ этихъ показаніяхъ и было много правды, но можно сомнѣваться лишь въ томъ, что они принадлежали сѣмимъ спрашиваемымъ лицамъ. Впрочемъ и отдѣльно спрошенный подъ присягою Колянурской волости дер. Малой Копыловщины православный 60 лѣтъ крестьянинъ Тимофей Софроновъ показалъ, (и показаніе его подъ присягой же подтвердили 28 человекъ той же волости разныхъ деревень близъ живущіе врестьяне), что новокрещане

изъ черемисъ Макарьевского сельскаго общества, совершавшіе въ ноябрѣ мѣсяцѣ языческое свое въ лѣсу моленіе, «это идолопоклонство *отправляютъ ежегодно* подѣ видомъ Господу Саваофу, чему служитъ поводомъ единственно *послабленіе ихъ приходскихъ священниковъ*, которые, *зная ихъ дѣйствіе*, вовсе не обращаютъ на сіе никакого вниманія, отъ этого же они и ведутъ себя по своей волѣ, а даже отъ сего ихъ примѣра не мудрено, да и нетрудно совратиться правовѣрнымъ, а по сему къ удержанію отъ сей ихъ ереси не угодно ли будетъ начальству воздержать тѣхъ черемисъ мѣрами закона».

Но съ другой стороны не рѣдко были жалобы священниковъ на послабленія со стороны земской полиціи. Такимъ образомъ это преслѣдованіе языческихъ обрядовъ инородцевъ порождало безконечный рядъ пререканій, подавая поводъ къ ссорамъ и кляузамъ, а больше всего, конечно, къ поборамъ, которые одинаково собирались какъ свѣтскими, такъ и духовными изслѣдователями. Несомнѣнно одно, что *приходскому священнику* (не миссіонеру) было во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе не замѣчать языческихъ моленій своихъ прихожанъ, чѣмъ возбуждать противъ нихъ эти безпокойныя «изслѣдованія».

Въ случаѣ возбужденія дѣла о языческихъ моленіяхъ самими сельскими властями, если только они этимъ моленіямъ активно препятствовали, обыкновенно дѣло усложнялось еще изслѣдованіемъ объ обидахъ, наносимыхъ сельскимъ властямъ, какъ это было, между прочимъ, и въ вышеприведенномъ дѣлѣ. Такъ, напримѣръ, и въ Малмыжскомъ уѣздномъ судѣ съ 1850 по 1854 г. производилось дѣло ²⁴⁾ «о лжепредсказаніи и склоненіи брешеныхъ черемисъ и вотяковъ къ идолопоклонству черемисниномъ Николаемъ Камышевымъ». Дѣло это начато по требованію священно-церковнослужителей, обвинявшихъ вотяковъ и черемисъ въ *намереніи совершить богослуженіе на Сырвинской горѣ* близъ с. Цыпни и въ причиненіи побоевъ сельскому старшинѣ Яргину при преслѣдованіи имъ идолопоклонства.

Иногда если не обиды и побои, то угрозы и неповиновеніе испытывали и чины уѣздной полиціи, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда жертвоприношеніе совершалось значительнымъ сборищемъ. Такъ въ 1856 г. Яранскій земскій судъ рапортомъ ²⁵⁾ отъ 25 сентября донесъ губернатору, что во время проѣзда по Южанской волости по дѣламъ службы пристава 1 стана было доведено до его свѣдѣнія, что при

²⁴⁾ Дѣло канц. губ. 1850 г. № 710.

²⁵⁾ Дѣло канц. губ. «о жертвоприношеніи черемисъ д. Кердовой. № 130».

д. Бердовой въ лѣсу въ ночь на 7 число сентября черемисами разныхъ селеній предназначено было совершить по языческому обряду жертвоприношеніе изъ разнороднаго скота. Приставъ собралъ понятыхъ изъ разныхъ деревень до 60 человекъ и съ ними отправился въ ту ночь на мѣсто жертвоприношенія. Оказалось, что черемисъ было тамъ до 400 человекъ, уже приступившихъ къ совершенію языческаго обряда; намѣреваясь воспрепятствовать имъ въ томъ, приставъ встрѣтилъ съ ихъ стороны угрозы и сопротивленіе, а потому, по малому количеству понятыхъ и въ отвращеніе могущихъ быть неприятныхъ послѣдствій, рѣшился выждать, пока соберутся люди изъ всѣхъ русскихъ деревень и потомъ уже приступить къ отклоненію языческаго обряда; но между тѣмъ черемисы въ ту же ночь разошлись и наразвѣтъ онъ уже никого не засталъ тамъ. Кромѣ перегорѣвшихъ костей животныхъ, приносимыхъ въ жертву, найдены были двѣ телѣги, три кадки, два топора, огарки восковыхъ свѣчъ и др. вещи. Оказалось, что жертвоприношеніе совершали черемисы изъ Уржумскаго и Царевкшайскаго уѣздовъ.

Съ началомъ нынѣшняго царствованія языческіе обряды и жертвоприношенія у инородцевъ становятся предметомъ больше научныхъ, этнографическихъ, а не судебныхъ изслѣдованій; цѣлесообразно же направленная мѣстная миссіонерская дѣятельность, рядомъ съ школьнымъ образованіемъ инородцевъ, мало-по-малу и вовсе прекращаетъ совершеніе этихъ обрядовъ и жертвоприношеній. Указанная еще въ 1829 г. Государемъ Императоромъ мѣра относительно привлеченія инородцевъ въ духовныя училища, изученіе въ духовной семинаріи инородческихъ языковъ, принятыя затѣмъ, съ открытіемъ земскихъ учреждений, мѣры относительно образованія инородцевъ—все это содѣйствовало тому, что духовная жизнь инородцевъ, проявленія въ средѣ нововрещенъ языческихъ обрядовъ и жертвоприношеній, выйдя изъ области изслѣдованій полиціи, мало-по-малу стали поддаваться просвѣтителю влиянію школы и мѣстнаго духовенства.

А. Андріевскій.

ДѢЛА О СОВЕРШЕНІИ ЯЗЫЧЕСКИХЪ ОБРЯДОВЪ И ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЙ КРЕЩЕНЫМИ ИНОРОДЦАМИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(1828—1857).

Инородцы Вятской губерніи, черемисы и вотяки, очень долгое время и по принятіи ими православія продолжали держаться языческихъ обрядовъ и обычаевъ (да нѣкоторыхъ и теперь держатся) и совершать значительными сборищами общественныя моленія съ жертвоприношеніями. Совершеніе такихъ жертвоприношеній, такъ называвшимся «новокрещеными»¹⁾, конечно, преслѣдовалось какъ духовными, такъ и гражданскими властями, почему и возникали по этому поводу довольно часто слѣдственные дѣла, доходившія обыкновенно до свѣдѣнія и окончательнаго разрѣшенія высшаго правительства. Эти дѣла знакомятъ насъ со многими бытовыми чертами прошлаго времени, съ отношеніями къ народной жизни какъ мѣстнаго духовнаго и гражданскаго начальства, такъ и высшей правительственной власти. Потому то изложеніе такого рода дѣлъ представляетъ не малый историческій интересъ. Изъ этого же изложенія будетъ видно и то, какъ возникло и организовалось мѣстное миссіонерство въ Вятскомъ краѣ и какъ оно проявляло на первыхъ порахъ свою дѣятельность.

Такъ какъ дѣла, послужившія матеріаломъ для этой статьи, попались совершенно случайно и ими, конечно, (какъ это видно изъ описей архивовъ) далеко не исчерпывается матеріалъ по этому вопросу, то предлагаемая статья и не можетъ претендовать на особенную полноту и законченность. Составитель статьи, мало заботясь о литературной обработкѣ, имѣлъ въ виду лишь исчерпать случайно попадавшійся ему матеріалъ, который и самъ по себѣ имѣетъ большой интересъ.

---

¹⁾ Такъ назывались инородцы, крещеные со времени дѣятельности новокрещенской конторы, учрежденной въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны въ Казани указомъ, даннымъ Сенату 1740 года сентября 1 (П. С. З. т. XI, № 8236), и закрытой при Императрицѣ Екатериинѣ II (П. С. З. т. XVI, № 12126). Инородцы же, крещеные до учрежденія этой конторы, назывались старокрещеными, подъ каковымъ названіемъ известны инородцы—татары въ Елабужскомъ уѣздѣ Вятской губерніи.

Г.

Языческое жертвоприношеніе черемисъ 3 декабря 1828 года. Поѣздка трехъ черемисъ свидѣевъ въ Петербургъ и Москву. Назначеніе миссіонера въ Вятскую губернію.

Уржумскій земскій исправникъ 4 декабря 1828 года рапортомъ ²⁾ донесъ губернатору, что 3 декабря въ Сернурской волости сошлось до трехъ тысячъ черемисъ крещенныхъ и некрещенныхъ изъ губерній Вятской, Казанской и частію Уфимской для совершения идолопоклонническаго жертвоприношенія и что онъ, исправникъ, вмѣстѣ съ приглашеннымъ священникомъ старались отклонить ихъ отъ онаго, но всѣ убѣжденія и совѣты ихъ остались тщетными.

Отъ того же 4 декабря изъ села Макарова священникъ Андрей Даровскій донесъ объ этомъ событіи преосвященному ³⁾, при чемъ описалъ и самую картину жертвоприношенія въ роцѣ: «Нашли мы, писалъ онъ, въ лѣсу на нарочитомъ пространствѣ болѣе трехъ тысячъ народа, совершающаго уже по обряду своему моленіе, при множествѣ въ кострахъ разложеннаго огня. Народъ сей былъ расположенъ примѣрно во сто группнахъ предъ столами, покрытыми еловыми вѣтвями и сверхъ оныхъ бѣлымъ холстомъ, установленными яствами и питьями въ разныхъ сосудахъ, съ зажженными во множествѣ самодѣльными большими восковыми свѣчами,—и стоялъ на колѣняхъ безмолвно, между тѣмъ какъ передъ каждою толпою находились по два или по три человѣка, называемые отъ нихъ *карты*, что значитъ по русски старшіе. Сии читали наизусть какіе то молитвы каждому человѣку особенно, съ произношеніемъ его имени. Каждый столъ стоялъ у особеннаго дерева, украшеннаго по срединѣ пучкомъ еловыхъ вѣтвей». Прибывши на мѣсто происшествія утромъ, священникъ и исправникъ пробыли тамъ до глубокой ночи, причемъ исправникъ, «подъ предлогомъ мірскаго приговора и позволенія имъ такимъ образомъ молиться, едва могъ склонить нѣкоторыхъ изъ нихъ сказать имена свои и другихъ извѣстныхъ имъ соучастниковъ». Такимъ образомъ онъ переписалъ только 460 человѣкъ, между тѣмъ какъ прочіе, окончивши моленіе, тотчасъ непримѣтнымъ образомъ разъѣзжались. На другой день исправникъ открылъ присутствіе земскаго суда, пригласивъ уѣзднаго стряпчаго и священника Даровскаго, какъ депутата, и приступилъ къ производству слѣдствія. Самос обстоятельное показаніе далъ старикъ черемисинъ *Иванъ Токметевъ*. По этому-то показанію, частію же по собственному

¹⁾ Дѣло канцеляріи губернатора 1828 года № 59.

²⁾ Дѣло духовной консисторіи 1828 года № 1283. «О бывшемъ отправленіи черемисами жертвоприношеній по своему языческому обряду и суевѣрію».

наблюденію, священникъ Даровскій и описалъ въ своемъ рапортѣ преосвященному самый порядокъ жертвоприношенія такимъ образомъ: «Картъ, приготовивши все нужное, громко созываетъ весь свой кругъ и велитъ всѣмъ встать на колѣни съ открытыми головами, между тѣмъ самъ въ шапкѣ стоитъ предъ деревомъ у стола своего, близъ коего привязана и скотина. По прочтеніи нѣкоторыхъ молитвъ, беретъ изъ огня горящую большую головню и, помахавъ ею нѣсколько разъ кругомъ, окуриваетъ жертву и гладитъ ее оною, начиная съ головы по всему хребту; потомъ беретъ ковшъ воды и, поливъ спину скотины, ожидаетъ пока она встряхнется; тогда всѣ стоявшіе до сего времени на колѣняхъ въ безмолвномъ ожиданіи, поблывая всакиваютъ съ радостнымъ крикомъ въ полной чрезъ сіе потрясеніе увѣренности, что жертва угодна Богу. Послѣ сего картъ беретъ лутошку, острогиваетъ конецъ оной съ какими-то суевѣрными наблюденіями и, надѣлавъ девять жеребейковъ, обмакиваетъ ихъ въ ковшъ, стоящій на столѣ съ какимъ-то питіемъ, и крестообразно втыкаетъ за пукъ вѣтвей, привязанныхъ къ дереву, предъ которымъ они приносятъ жертву. Потомъ, связавъ, закаляютъ скотину, и картъ, собравши кровь въ чашку, мажетъ ею то дерево и вѣтви, а остатокъ выливаетъ въ костеръ огня, приговаривая при каждомъ означенномъ дѣйствіи какія-то слова. По закланіи жертвы, варятъ въ большихъ котлахъ всякое животное особо и, сваривши, бросаютъ въ огонь по части всѣхъ родовъ мяса и хлѣба, поливая пивомъ и медомъ; жгутъ также на огнѣ конскую кожу, пухъ и перья, говоря, что все это посвящаютъ они Богу. По совершеніи всего обряда садятся всѣ они кругомъ и съ особеннымъ благоговѣніемъ ѣдятъ раздаваемое картомъ мясо и хлѣбъ, кости же бросаютъ въ огонь. Прочее все, раздѣляя между собой, увозятъ домой».

При освидѣтельствovanіи, на другой день, березовой роши, служившей мѣстомъ жертвоприношенія, оказалось 134 огнища. Черемисинъ изъ новокрещенъ Иванъ Токметевъ (а порусски Федотъ Алексѣевъ) 60 лѣтъ, распорядившійся и наблюдавшій за порядкомъ жертвоприношенія, показалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, не знаю, котораго числа, ночью видѣлъ я во снѣ, что будто я, шедши со множествомъ черемисскаго народа по ровному мѣсту, вдругъ всѣ мы обрушились въ преужасную пропасть, и отъ того испужавшись, общались, по избавленіи, принести Богу моленіе; отъ каковой мысли вдругъ стали подниматься на гору, гдѣ увидѣли необыкновенный свѣтъ, плодородіе и въ наилучшемъ видѣ разныя деревья. По пробужденіи, желая посоветоваться о видѣнномъ мною снѣ съ ододеревенцами сво-

ими, объявлялъ о семь сосѣдямъ и всѣмъ обывателямъ деревни, которые, увѣровавъ сну моему, предположили сдѣлать совѣтъ, для чего и дали знать прочимъ черемисамъ многихъ другихъ деревень, чтобъ собрались деревни Ноликукмари въ домъ некрещенаго черемисина Петра Иванушкина, гдѣ собравшись и толкуя о снѣ моемъ, вмѣстѣ и о снѣ, видѣнномъ оной деревни Ноликукмара новокрещеномъ Семеномъ Васильевымъ, который рассказывалъ, что будто-бы явился ему нѣкто въ видѣ знатнаго человѣка и совѣтовалъ всему черемисскому народу, собравшись, совершить моленіе съ жертвоприношеніемъ, положили непремѣнное обѣщаніе учинить Богу моленіе съ обыкновеннымъ, по обряду черемисскому, жертвоприношеніемъ, для чего и назначили мѣсто».

Онъ же, Токметевъ, давалъ показаніе и относительно самаго порядка жертвоприношенія, какъ оно описано священникомъ Даровскимъ. Относительно струганія лутушки находимъ лишь слѣдующее дополненіе въ его показаніи: «картъ беретъ лутушку и стружетъ ее девять разъ и на каждую навшую на землю стружку смотреть, какимъ образомъ она легла: если по срѣзу отъ человѣка, то значитъ Богъ принимаетъ ихъ жертву; если же напротивъ, то показываетъ противное, потому лутушку съ еловыми вѣтвями и съ стружками, обмакнутыми въ какое-либо питье, привязываютъ къ дереву».

Губернаторъ, получивши рапортъ Уржумскаго исправника, предложилъ 8 декабря губернскому правленію, чтобы оно по важности описаннаго случая командировало совѣтника правленія для произведенія на мѣстѣ «строжайшаго и точнѣйшаго изслѣдованія». Командированъ былъ коллежскій ассесоръ Кулаковъ. О происшествіи и о сдѣланныхъ распоряженіяхъ для его разслѣдованія г. губернаторъ немедленно донесъ г. министру внутреннихъ дѣлъ, а 4 января 1829 года уже былъ полученъ отъ этого послѣдняго отвѣтъ, въ которомъ сказано, что это дѣло о сборищѣ черемисъ было доведено оберъ-прокуроромъ Св. Синода до свѣдѣнія Государа Императора, который «повелѣтъ соизволилъ, чтобъ людямъ симъ, изъ снисхожденія въ ихъ простотѣ, никакихъ притѣсненій чинимо не было и чтобъ съ ними поступлено было съ крайнею осторожностію»⁴⁾.

⁴⁾ 22 іюля 1822 года былъ утвержденъ уставъ объ управленіи инородцевъ. Въ и. 291 этого устава читаемъ: «не подвергать инородцевъ никакимъ взысканіямъ, если они, исповѣдая христіанскую вѣру, окажутся, по невѣжеству въ упущеніи церковныхъ порядковъ. Внушенія и убѣжденія суть одни приличныя въ семъ случаѣ мѣры» (И. С. З. т. XXXVIII, № 29126). Съ этого времени можно считать установившимся подобный взглядъ въ отношеніи къ инородцамъ какъ въ законодательствѣ нашемъ, такъ и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ.

Священник Даровскій, донося преосвященному о результатахъ слѣдствія, писалъ 30 декабря, между прочимъ, слѣдующее: «Повсемѣстно всѣ почти изъ черемисъ новокрещане, кромѣ небольшой части называемыхъ *русковъ*, державшихъ одну христіанскую вѣру, прочіе всѣ, по тѣсной связи общежитія и по слѣпой приверженности къ прежнимъ своимъ врожденнымъ предразсудкамъ и грубому суевѣрію, одною, такъ сказать рукою, держась церкви Христовой, другою столько-же или еще болѣе держатся однихъ и тѣхъ же съ некрещеными правилъ язычества и безъ всякаго различія между собою не токмо дѣлають общія богомолія, но и, что особенно непростительно, въ случаѣ болѣзней своихъ, предполагая, что оныя причиняетъ имъ злой духъ, требуя отъ нихъ себѣ жертвы, закалають разныхъ животныхъ, по своему состоянію и возможности, различными именами называемымъ ими бѣсамъ, какъ-то: Кереметю, Чимбулату, Немдекуруку, Ямшенеру, Кюбару и другимъ, что, впрочемъ, они дѣлають не собраніемъ, а порознь и весьма скрытно».

Оберъ-прокуроръ Св. Синода отнесся 31 декабря 1828 года къ Вятскому епископу, чтобъ онъ, независимо отъ производимаго гражданскими властями слѣдствія, вошелъ въ разсмотрѣніе «не отъ небреженія ли или другой какой-либо вины мѣстнаго духовенства происходитъ уклоненіе въ идолопоклонничество такихъ людей, кои уже были просвѣщены ученіемъ христіанскимъ». Вслѣдствіе этого назначены были слѣдователями Уржумскій и Яранскій протоіерей: Іаковъ Караваевъ и Сергій Кулыгинскій и возникло и въ духовной консисторіи весьма объемистое «слѣдственное дѣло», но оно повторяло лишь то, что было уже добыто слѣдствіемъ, произведеннымъ гражданскими властями.

18 января 1829 года губернское правленіе, вмѣстѣ съ предписаніемъ г. министра внутреннихъ дѣлъ и объявленіемъ Высочайшаго соизволенія, слушало уже записку командированнаго слѣдователя Кулакова о самомъ происшествіи. По этой запискѣ оказалось, что поводомъ къ столь многочисленному сборищу черемисъ послужили видѣнныя лѣтомъ 1828 года новокрещенцами Сернурской волости Иваномъ Токметовымъ, Семеномъ Васильевымъ и Васильемъ Евсевьевымъ разные сны, требовавшіе отъ черемисъ такого богомолія съ обыкновеннымъ по ихъ обрядамъ жертвоприношеніемъ и назначено было для этого мѣсто въ лѣсу между деревнями Киприанъ-Солою ⁵⁾, Шеркинеромъ, и Шургіаломъ.

⁵⁾ Въ настоящее время здѣсь училище, содержимое Вятскимъ комитетомъ миссіонерскаго общества.

Мѣсто это избрано было частію по удобству его для большаго стеченія народа, больше же потому, что на томъ мѣстѣ незадолго передъ тѣмъ открылся новый источникъ воды, появленіе котораго въ сухомъ мѣстѣ черемисы приняла за особенную милость Божію. Сновидцы же показали, что для жертвоприношенія назначено было изъ всѣхъ родовъ животныхъ, какъ-то: лошадей, коровъ, овецъ и домашнихъ птицъ по 99 штукъ, а для извѣщенія о назначаемомъ богомольи въ другихъ отдаленныхъ мѣстахъ жителей, избраны были 9 человѣкъ. Богомолье было совершено спокойно, въ присутствіи исправника и священника, послѣ чего и разъѣхались себѣ, «не показавъ и виду», какъ сказано въ официальномъ донесеніи, «къ нарушенію общаго спокойствія или возмущенія, чего и впослѣдствіи не только не открылось, но даже молитвы ихъ, какія произносили при семъ случаѣ жрецы, или такъ называемые на ихъ языкѣ *карты*, доказываютъ простоту нравовъ и сообразное съ вѣрнопопданостью понятіе о Государѣ и заботливость о платежѣ податей». Обряды жертвоприношенія исполнялись избранными изъ среды богомольцевъ *картами*, которыхъ, по числу назначенныхъ въ жертву животныхъ, было 99 человѣкъ. Наблюденіе за общимъ порядкомъ жертвоприношенія предоставлено было сновидцамъ Токметеву, Васильеву и Евсееву, а для сбора жертвуемыхъ денегъ и раздачи ихъ за приведенный въ жертву скотъ и птицу, выбраны были особые два расходчика. По совершеніи общаго жертвоприношенія, карты читали молитвы порознь богомольцамъ, съ произношеніемъ именъ ихъ, за что и получали съ нихъ деньги, хлѣбъ, медъ, холстъ и т. п., кто что могъ дать по возможности. Собранныя карты такимъ образомъ деньги отдавались главному карту, новокрещену Мавару Бормову, который и передалъ ихъ въ суммѣ 350 руб. расходчикамъ, для распределенія между собственниками принесенныхъ въ жертву животныхъ.

Слѣдователи спросили 570 человѣкъ, въ томъ числѣ 38 картовъ, о прочихъ же спрошенные люди отозвались, что они имъ неизвѣстны, такъ какъ были изъ разныхъ далекихъ округъ и губерній, и что, кромѣ бывшихъ 3 декабря, и еще стекался народъ изъ Глазовскаго уѣзда и изъ Оренбургской губерніи, но, по случаю скорого окончанія богомолья и прибытія на мѣсто исправника, воротились съ дороги по домамъ.

Со словъ картовъ или старшинъ были записаны и произносимыя при жертвоприношеніи молитвы, которыя и переведены на русскій языкъ священникомъ Андреемъ Даровскимъ и приложены къ дѣлу. Вотъ онѣ: «Великій древній Богъ! Тебѣ народъ поусердствовалъ нынѣ моле-

ніемъ, привелъ скота, принесъ хлѣба, свѣчь, пива и меду, собравшись предъ симъ древомъ: возлюби это и милостиво прими!

Боже! дай помощь въ жизни народу, дай скота, послѣ сего дай хлѣба, послѣ хлѣба дай пчель, послѣ пчель просимъ денегъ на оплачиваніе подати Государю, послѣ денегъ просимъ лѣсной ловли, послѣ лѣсной ловли просимъ водяной ловли на выручку денегъ. Милостиво прими!

Боже! дай въ вѣкъ семь хорошаго житія Бѣлому Царю и всѣмъ молящимся здѣсь людямъ, которые привели скота, принесли свѣчи, принесли хлѣба, поставили пива и кто далъ денегъ. Милостиво прими! Аминь!

При словахъ «милостиво прими», произносимыхъ картомъ съ возвышеніемъ и протяженіемъ голоса, всѣ дѣлаютъ земной поклонъ.

Объ окончаніи слѣдствія г. губернаторъ 30 января донесъ министру внутреннихъ дѣлъ, причемъ объяснилъ, что, въ виду Высочайшаго повелѣнія по этому дѣлу, предписано имъ Уржумскому земскому суду и на будущее время сообразоваться при подобныхъ случаяхъ съ таковымъ повелѣніемъ, т. е. чтобы «людямъ симъ изъ снисхожденія къ ихъ простотѣ никакихъ притѣсненій чинимо не было». Но при этомъ г. губернаторъ долгомъ счелъ присовокупить, что «подобныя сборища черемисъ, хотя и не могутъ имѣть вредныхъ послѣдствій, но за всѣмъ тѣмъ нельзя однакоже оставить безъ вниманія и того обстоятельства, что настоящее собраніе черемисъ изъ другихъ даже губерній и въ такомъ важномъ числѣ произошло единственно отъ видимаго намѣренія трехъ сновидцевъ; они, *откровенно* (?) желая извлечь для себя пользу чрезъ сборъ денегъ и прочаго, возбудили еще болѣе суевѣрія народа сего видѣнными якобы ими снами, и если не могли достигнуть совершенно цѣли своей, то единственно оттого, что присутствіе въ то время земскаго исправника не дало имъ возможности обольстить собравшейся народъ. А какъ легко можетъ случиться, что сновидцы сіи, бывъ побуждаемы корыстью и пользуясь простотою и суевѣріемъ собратій своихъ, могутъ и на будущее время дать поводъ къ подобному сборищу, во вредъ самихъ поселянъ, при каковомъ случаѣ случиться также можетъ и нарушеніе спокойствія, то къ отвращенію сего я полагаю-бы со своей стороны откровенныхъ по настоящему дѣлу трехъ сновидцевъ предать сужденію съ тою цѣлію, чтобы они на будущее время не рѣшались на обманъ и не привлекали-бы чрезъ то людей изъ другихъ мѣстъ, ибо подобнаго сборища до сего времени еще не бывало; черемисы, приверженные къ идолопоклонничеству, отправляютъ моленія свои

съ жертвоприношеніями всегда въ своихъ только селеніяхъ или въ скрытыхъ мѣстахъ, не обращая вниманія на другихъ жителей».

Это донесеніе губернатора министръ внутреннихъ дѣлъ представлялъ на благоусмотрѣніе Государя, который и повелѣлъ упомянутыхъ трехъ свидцевъ— если они старики, извѣстные скромною жизнію, то оставить ихъ въ покоѣ, учредя надъ ними надзоръ, если же они изъ молодыхъ, то вытребовать ихъ въ Петербургъ для допроса. Вслѣдствіе этого г. губернаторъ 15 марта предписалъ Уржумскому исправнику немедленно выслать въ Вятку свидцевъ, при чемъ писалъ чтобы «людей сихъ взять безъ малѣйшей въ народѣ тревоги и даже огласки, внушивъ при томъ имъ, что они требуются мною для личнаго съ ними объясненія о всѣхъ обрядахъ жертвоприношеній; объ отправленіи ихъ съ разсылнымъ сказать, что онъ дается для безостановочнаго ихъ проѣзда и чтобы въ дорогѣ не было дѣлаемо имъ какихъ-либо стѣсненій». Исправникъ, отправляя свидцевъ, писалъ, что они «поведенія хорошаго и жизнь ведутъ скромную». Хотя одинъ изъ нихъ Федотъ Алексѣевъ и имѣлъ отъ роду 60 лѣтъ, но какъ онъ здоровья крѣпкаго и болѣе другихъ понималъ русскій языкъ, то г. губернаторъ рѣшился и его отправить въ Петербургъ, заявляя, что этотъ Федотъ Алексѣевъ «можетъ объяснить настоящую причину собранія народа черемисскаго и ихъ обряды жертвоприношенія; онъ же былъ и главнымъ распорядителемъ при бывшемъ 3 декабря 1828 года въ Сернурской волости жертвоприношеніи, назначилъ время собранія народа, число и родъ животныхъ для принесенія въ жертву». Въ качествѣ переводчика, а равно и для конвоя приставленъ былъ къ черемисамъ рядовой Макарь Минаевъ и всѣ они отправлены съ квартальнымъ надзирателемъ Кустовскимъ въ Петербургъ, куда и прибыли 2 апрѣля.

Въ Петербургъ поручено было допросить привезенныхъ черемисъ дѣйствительному статскому совѣтнику Филатьеву. Записка объ этомъ допросѣ представлена была Государю 22-го апрѣля, послѣ чего и было предложено Московскому митрополиту, согласно волѣ Государя, «избрать хорошаго священника, которому можно-бы было поручить означенныхъ трехъ черемисъ для просвѣщенія въ вѣрѣ, такъ чтобы, отпустя ихъ домой вмѣстѣ съ онымъ священникомъ, могли они убѣжденіемъ и примѣромъ дѣйствовать на другихъ. Вслѣдствіе этого черемисы отданы были на попеченіе священника Московской Богоявленской церкви, что въ Елоховѣ, Александра Евлампіева Покровскаго, котораго Св. Синодъ и предписалъ отправить въ Вятку и Уржумъ съ тѣми че-

ремисами для увѣщанія и наставленія какъ оныхъ, такъ и ихъ единоплеменниковъ».

Отпустивши квартальнаго надзирателя Кустовскаго, Московскій генераль-губернаторъ нашелъ нужнымъ командировать особаго офицера и рядоваго для препровожденія черемисъ въ Вятку, съ которыми одновременно отправился и священникъ Покровскій, заявившій при отъѣздѣ что «должно наблюдать, дабы прежде времени тѣ черемисы не имѣли совѣщаній со своими единоземцами», для чего и просилъ г. губернатора принять нужныя къ тому мѣры.

Прибыли черемисы въ Вятку 7 августа, а 14 отправлены г. губернаторомъ въ Уржумъ, для чего и выдано было на проѣздъ ихъ 39 р. 66 к. Такимъ образомъ, не считая проѣзда черемисъ отъ Москвы до Вятки, издержано было на всю эту поѣздку ихъ въ Петербургъ 1321 р. 50 к. изъ Вятскаго губернскаго казначейства.

Когда оберъ-прокуроръ представилъ Государю докладъ о выдачѣ изъ мѣстныхъ казенныхъ палатъ какъ нынѣ отправленному съ черемисами изъ Москвы въ Вятку священнику Покровскому, такъ и впредь, если представятся подобные случаи, денегъ на прогоны и содержаніе въ пути и на мѣстѣ, то Государь на этомъ докладѣ собственноручно написалъ: «снести съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, *чтобъ избраны были изъ молодыхъ черемисъ нѣсколько человекъ для отдачи въ семинарію и приготовленія въ священники*». Очевидно, что вызванный однимъ случаемъ расходъ по отправкѣ миссіонера изъ Москвы, не соответствующій возможнымъ отъ таковой отправки результатамъ, не могъ повторяться часто, и вотъ, благодаря резолюціи Государя, является забота объ удовлетвореніи оказавшейся необходимости миссіонерскихъ трудовъ мѣстными средствами. Приготовленіе священниковъ изъ черемисъ, указанное въ резолюціи Государя, было, конечно, наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ въ такомъ дѣлѣ, какъ христіанское просвѣщеніе черемисъ, отълоненіе ихъ отъ обычаевъ стараго язычества.

Тѣмъ не менѣе ближайшимъ результатомъ совершившейся поѣздки трехъ черемисъ въ Петербургъ было возбужденіе въ Вятской епархіи миссіонерской дѣятельности, ради которой, кромѣ назначенія мѣстныхъ дѣятелей, командировался и въ слѣдующемъ 1830 году тотъ же Московскій священникъ Александръ Покровскій (тогда уже протоіерей). Къ этой-то миссіонерской дѣятельности, споспѣшествуемой земскою полиціей, въ теченіе 1829 и 1830 годовъ, мы и переходимъ насколько, конечно, видна она изъ имѣющагося дѣла.

II.

Дѣтельность Московскаго миссіонера Покровскаго и Уржумскаго исправника Девлетъ-Кильдѣева. Назначеніе миссіонеровъ изъ мѣстнаго духовенства и дѣтельность нѣкоторыхъ изъ нихъ. Предложеніе губернатора Ренневича объ учрежденіи особаго губернскаго комитета по миссіонерскимъ дѣламъ.

а) Уржумскій земскій исправникъ князь Девлетъ-Кильдѣевъ, рапортомъ отъ 22 августа 1829 г., доносилъ г. губернатору слѣдующее: «По извѣстной мнѣ нравственности черемисъ здѣшняго уѣзда и привязанности ихъ къ идолопоклонничеству, успѣхи священника Покровскаго, въ исполненіе возложеннаго на него порученія, я счелъ самыми затруднительными и потому безъ малѣйшей огласки, не теряя ни мало времени, для содѣйствія отправился тогда же съ нимъ въ округу. Нашъ проѣздъ съ 14 по сіе число былъ чрезъ волостныя правленія: Бияморское, Буйское, Сернурское, Нурминское, Толманское и Кичминское, гдѣ предварительно собравъ во многомъ количествѣ черемисъ, подвѣдомственныхъ каждому правленію, которые, при первоначальномъ увѣщаніи священника Покровскаго и моемъ убѣжденіи оставить языческіе свои обряды, были совершенно непреклонны: они говорили, что церкви не отрекаются, но и древнихъ своихъ языческихъ обрядовъ оставить не могутъ, потому что исполняли оныя отцы ихъ, дѣды и далѣе; но когда, при содѣйствіи моемъ, священникъ Покровскій вразумилъ имъ всю святость греко-россійской вѣры и наказаніе Божіе удаляющимся церкви довольно внятнымъ для нихъ истолкованіемъ чрезъ переводъ нѣкоторыхъ знающихъ изъ собранныхъ людей русскій языкъ, то, по многомъ совѣщаніи между собою, единодушно сознались въ своихъ заблужденіяхъ, извиняясь въ томъ своимъ невѣдѣніемъ и неразумѣніемъ, и что они сердечно рады, что Великій Государь повелѣлъ ихъ учить истинной вѣрѣ, единогласно пообязались не дѣлать въ дѣлахъ никакихъ языческихъ жертвоприношеній, и что они навсегда отнынѣ будутъ ходить въ церковь, слѣдовать ея правиламъ свято и ненарушимо, соблюдать вѣру и посты и исполнять всѣ церковныя требы по обязанности христіанина, и въ томъ къ отобраннымъ отъ нихъ письменнымъ удостовѣреніямъ безъотрицательно каждый приложилъ свои тамги, даже и Сернурской волости черемисы, болѣе оказавшіе въ семъ дѣлѣ свое заблужденіе».

По мнѣнію исправника, «за сими распоряженіями священнику Покровскому остается, разъѣзжая по мѣстамъ жительства черемисъ, наставлять ихъ въ вѣрѣ и въ исполненіи обязанностей».

Исправникъ этотъ, какъ видно, хорошо сошелся съ священникомъ

Покровским и, оказавъ ему дѣйствительно весьма энергическое содѣйствіе, сумѣлъ представить общія свои съ нимъ дѣйствія въ самомъ блистательномъ видѣ, такъ что впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, удостоился Высочайшей награды. Но, получивши въ августѣ мѣсяцѣ отпускъ на 28 дней, онъ до конца ноября не возвращался, такъ что губернаторъ долженъ былъ командировать въ Уржумъ Котельническаго исправника Позднякова, который и прибылъ туда всего четырьмя днями раньше возвращенія князя Девлетъ-Кильдѣева. Но и въ эти четыре дня исправникъ Поздняковъ успѣлъ получить «подробное и вѣрное свѣдѣніе о причинахъ уклоненія черемисъ отъ церкви», о чемъ и представилъ весьма любопытный рапортъ г. губернатору отъ 27 ноября. «Оказалось, писалъ онъ, что легкомысленные черемисы, между прочимъ, питали надежду исходатайствованіемъ для нихъ позволенія остаться навсегда въ идолопоклонничествѣ, убѣждались межъ собой мечтою будто тамошній земскій исправникъ князь Девлетъ-Кильдѣевъ, проживая въ Петербургѣ, хлопочетъ о нихъ предъ высшимъ правительствомъ, а между тѣмъ тамошній діаконъ, человекъ поведенія зазорнаго, оболъщаль ихъ своимъ у архіерея ходатайствомъ, и сдѣлавшись въ пользу идолопоклонничества, какъ увѣрялъ меня миссіонеръ Покровскій, черемисскимъ повѣреннымъ, собралъ съ нихъ на какіе-то расходы деньги; обманывая, по всей видимости, такимъ образомъ легковѣрность, сей діаконъ поселялъ главное зло, а между тѣмъ недавно предъ симъ посвященъ епархіальнымъ начальствомъ въ Малмыжскій уѣздъ въ священники. Изъ сего моего краткаго донесенія ваше превосходительство усмотрѣть соизволите, что черемисы ожесточительнаго отрицанія миссіонерству не дѣлаютъ, даже возможность предстоить въ самой скорости достигнуть совершенной цѣли миссіонерства, при содѣйствіи иначе земской полиціи; вся важность сего дѣла состоитъ въ томъ, чтобы удалить отъ нихъ зловредныхъ совѣщателей и увѣрить, что на обращеніе ихъ къ церкви есть воля Государя Императора, чему они теперь не вѣрятъ».

Заявляя, что въ теченіе 4 мѣсяцевъ утверждено въ вѣрѣ до пяти сотъ семействъ, исправникъ Поздняковъ, пробывшій всего четыре дня въ Уржумѣ, пишетъ, что онъ вызывалъ къ себѣ нѣкоторыхъ новокрещенныхъ и «въ присутствіи миссіонеровъ повѣрялъ вѣру настоящаго вѣроисповѣданія; оказываются всѣ они въ ней вѣрными совершенно, даже съ христіанскимъ терпѣніемъ переносятъ всѣ притѣсненія, ругательства и угрозы сосѣдей ихъ за оставленіе идолопоклонничества». Въ концѣ же концовъ, въ рапортѣ встрѣчаемъ жалобу на священника

Андрея: «а затѣмъ ко успокоенію сихъ черемисъ необходимо нужно перемѣнить священника Андрея, остающагося по сіе время въ томъ же селѣ Сернурѣ». Такимъ образомъ этотъ удивительный исправникъ, успѣвшій въ 4 дня истинную вѣру новокрещенныхъ черемисъ испытать и окончательно ихъ въ ней утвердить, успѣлъ въ этотъ же срокъ отыскать и причину ихъ отступничества, найти, такъ сказать, корень зла въ попѣ Андрѣ и какомъ-то діаконѣ.

А между тѣмъ послѣ успѣховъ въ шести черемисскихъ волостяхъ, достигнутыхъ Покровскимъ, вдругъ, послѣ отъѣзда исправника князя Девлетъ-Кильдѣева, оказалось нерасположеніе черемисъ принять этого миссіонера въ деревнѣ Олоръ, Буйской волости и даже въ д. Елевой ⁶⁾, куда миссіонеръ прибылъ по приглашенію головы, увѣрившаго его, что жители этой деревни яко-бы его ожидаютъ, а между тѣмъ, когда онъ прибылъ къ нимъ, то объявили, что они старую вѣру перемѣнить не желаютъ. Изъ письма архіерея къ губернатору узнаемъ, что «при изысканіи причинъ сей нечаянности, Юледурской священникъ Козьма Кафтаниковъ узналъ и писалъ къ миссіонеру Покровскому слѣдующее: извѣстный вамъ черемисинъ Нурминскій голова, возвращаясь изъ Черемисскихъ Шой въ правленіе, заѣзжалъ въ нѣкоторыя селенія нашего прихода совсѣмъ не его волости и говорилъ черемисамъ, чтобъ они въ русскую вѣру не ходили, увѣряя, что и самъ Государь не можетъ перемѣнить ихъ вѣры, а изъ всего этого выйдетъ тоже, что и въ Морбахъ ⁷⁾, т. е. священниковъ изъ селъ выведутъ, а ихъ оставятъ жить постарому. Одинъ изъ извѣстныхъ трехъ свидцевъ, обратившихся нынѣ къ христіанству, узналъ, а Макаровскій священникъ подтвердилъ, что черемисинъ Макаровскаго прихода, деревни Лежмара, Ефимъ Позонаевъ, бывший подъ судомъ и штрафованный, скрытно ѣздитъ по уѣзду, убѣждаетъ черемисъ не слушать миссіонера и не отступать отъ старой вѣры, увѣряетъ, что свидцы ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ не были, а были только въ Вяткѣ, тамъ свою старую вѣру продали, и что онъ навѣрное исходатайствуетъ имъ разрѣшеніе на всѣ языческіе обряды, если дадутъ ему по 20 к. съ души». Въ виду-то этого, чтобы «сѣмена вѣры, посѣянные нынѣ въ черемисскомъ народѣ миссіонеромъ Покровскимъ и исправникомъ Девлетъ-Кильдѣевымъ, не были подавлены злонамѣренными», архіерей и просилъ губернатора о принятіи съ его стороны «надлежащихъ мѣръ противъ возмутительныхъ

⁶⁾ Въ настоящее время здѣсь находится инородческое училище М. Н. Пр.

Рсданн.

⁷⁾ Село Казанской губерніи Царевококшайскаго уѣзда.

умовъ поименованныхъ лицъ, такъ и объ оказаніи возможнаго покровительства тремъ свидцамъ, помогавшимъ, по возможности, миссіонеру въ убѣжденіи другихъ, и которыхъ неблагонамѣренныя стараются сдѣлать ненавистными въ своемъ племени». Вслѣдствіе-то этого отношенія архіерея, губернаторъ и заботился замѣнить кѣмъ-либо долго не возвращавшагося изъ отпуска и недававшего о себѣ знать князя Девлетъ-Кильдѣва.

Неутомимый «содѣйствователь» миссіонерству, энергическій исправникъ князь Девлетъ-Кильдѣвъ немедленно, по возвращеніи своемъ изъ отпуска, принялся за дѣло обращенія черемисъ въ истинную вѣру и другъ за другомъ слѣдовавшими рапортами доносилъ губернатору объ успѣхахъ этого дѣла.

Отъ 5 декабря «изъ округи» увѣдомляетъ онъ, что вмѣстѣ со священникомъ Покровскимъ они успѣли обратить въ христіанскую вѣру по двумъ уже волостямъ черемисъ, которые «чистосердечно сознались въ своихъ заблужденіяхъ, покаялись и дали добровольно обязательства съ приложеніемъ своеручныхъ тамговъ, что они древніе свои языческіе обряды оставляютъ и всегда будутъ ходить въ церковь и слѣдовать ея правиламъ».

Отъ 12 декабря онъ уже доносилъ объ успѣхахъ своихъ по другимъ волостямъ. Въ Шурминской волости «первымъ дѣйствіемъ нашимъ, пишетъ исправникъ, было собрать въ одно мѣсто всѣхъ обитающихъ въ оной черемисъ, а видя непреклонность ихъ на наши увѣщанія оставить языческіе свои обряды, ввели въ церковь. По отправленіи божественной литургіи, священникъ Покровскій, при личномъ моемъ содѣйствіи, внушилъ имъ всю святость греко-россійской вѣры, самымъ внятнымъ для простаго народа истолкованіемъ, постави разные примѣры Божія наказанія удаляющимся отъ церкви». Результатомъ было, конечно, «чистосердечное признаніе своихъ заблужденій» и клятвы, что отнынѣ впредь и т. д. «Симъ распорядкомъ проѣхали по сіе число (съ 5 по 12) и утвердили въ вѣрѣ черемисъ по волостямъ: Нижнепочкинской 76, Сабатской 100, Петровской 12 и Ляжской 181 человекъ». А 27 декабря исправникъ представилъ уже рапортъ «съ донесеніемъ о окончательномъ обращеніи въ христіанскую вѣру черемисъ». Проѣхавши по всѣмъ волостямъ, въ которыхъ жили крещеные черемисы, исправникъ сообщаетъ, что «всѣ вообще крещеные черемисы не отрицательно обратились въ христіанскую вѣру и всѣ ихъ семейства, которые тѣмъ болѣе сіе доказали, что приняли въ дома свои священниковъ со святыми иконами и коими, по отправленіи въ каждомъ до-

мѣ молебствія, безпрекословно освящены окропленіемъ святой воды какъ дома, такъ и семейства ихъ». Собранные по волостямъ изъ каждаго дома по чловѣку и болѣе въ приходскіе церкви черемисы «торжественно поклялись никогда никакихъ языческихъ жертвоприношеній въ лѣсахъ не дѣлать».

Такъ какъ по нѣкоторымъ волостямъ между крещеными черемисами проживали въ однихъ съ ними селеніяхъ и некрещеные, оставшіеся къ христіанской вѣрѣ непреклонными, то, чтобы нынѣ обратившіеся не могли участвовать вмѣстѣ съ ними въ отправленіи языческихъ жертвоприношеній, исправникъ распорядился, чтобы деревенскіе старшины строго слѣдили за этимъ, равно какъ и за исправнымъ хожденіемъ ихъ въ церковь, а кромѣ того приказалъ, чтобы передъ каждою сходкою по общественнымъ дѣламъ всѣ собравшіеся отправлялись-бы прежде въ церковь для выслушанія божественной службы, а затѣмъ уже приступали-бы къ дѣламъ, ради которыхъ собраны.

Объ энергической дѣятельности исправника князя Девлетъ-Кильдѣева миссіонеръ Покровскій доводилъ до свѣдѣнія и мѣстнаго архіерея, который съ своей стороны представлялъ и губернатору, вслѣдствіе чего и состоялось 1-го февраля 1830 г. постановленіе губернскаго правленія: изъявить отъ лица губернскаго начальства признательность Уржумскому исправнику «за ревностное его содѣйствіе миссіонеру въ преобразованіи черемисъ». Но очевидно, что эта признательность губернскаго начальства не была достаточною наградою для чловѣка, о подвигахъ котораго священникъ Покровскій подробно доносилъ Московскому митрополиту, а этотъ послѣдній съ своей стороны представлялъ эти подвиги вниманію высшаго начальства.

Увѣдомляя губернатора, что для упроченія успѣховъ миссіи священника Покровскаго положено отправить его же вновь будущей весною въ Уржумскій уѣздъ, министръ внутреннихъ дѣлъ отъ 22 февраля предписывалъ чтобы, согласно волѣ Московскаго митрополита Филарета, Уржумскій исправникъ князь Девлетъ-Кильдѣевъ «ни подъ какимъ предлогомъ» не былъ устраняемъ въ теченіе наступающаго лѣта отъ настоящей должности; а 27 февраля потребовалъ отъ губернатора донести, — заслуживаетъ-ли князь Девлетъ-Кильдѣевъ и какого именно награжденія, на что губернаторъ и отвѣчалъ 28 мая, что онъ-де полагаалъ-бы испросить ему Всемилостивѣйшій подарокъ въ 750 руб., «каковая сумма не превышаетъ годоваго оклада жалованья, получаемаго въ Вятской губерніи исправниками». 25 іюля министръ увѣдомлялъ уже губернатора о Высочайшемъ соизволеніи на таковой подарокъ, а

19 августа и препровожденъ былъ князю Деваletz-Кильдѣву брилліантовый перстень.

Разсматрѣвъ результаты поѣздки священника Покровскаго въ 1829 году для обращенія къ православію отпавшихъ отъ него черемись, Св. Синодъ призналъ нужнымъ отправить вновь того же Покровскаго, возведеннаго въ санъ протоіерея, съ бывшимъ при немъ діакономъ къ черемисамъ на три мѣсяца, испросивъ при этомъ соизволеніе Государя на приведеніе въ исполненіе слѣдующихъ предположеній:

1) «Для приобученія новообращенныхъ черемись къ соблюденію благочестивыхъ обрядовъ и обычаевъ христіанскихъ посредствомъ всегдашняго добраго примѣра перемѣститъ въ черемисскія селенія отъ одного до трехъ русскихъ благочестивыхъ и благоправныхъ семействъ.

2) Въ отвращеніе вреднаго на обращенныхъ черемись вліянія со стороны остающихся въ язычествѣ, особенно языческихъ картовъ (жрецовъ), ворожеевъ и коштановъ (ходатаевъ или стряпчихъ), постановить твердымъ правиломъ и предварительно объявить черемисамъ, что если кто изъ нихъ замѣченъ будетъ въ распространеніи языческихъ лжепрорицаній или другихъ языческихъ и соблазнительныхъ внушеній, тотъ, кромѣ прочей отвѣтственности по законамъ, немедленно будетъ выведенъ изъ селенія, гдѣ живутъ черемисы христіане». На предположенія эти послѣдовало согласіе Государя Императора 15 февраля 1830 г.

Московскій митрополитъ Филаретъ, отправляя въ іюнь мѣсяцѣ 1830 г. протоіерея Покровскаго вторично къ черемисамъ Уржумскаго уѣзда и поручая его и ввѣренное ему дѣло благосклонному споспѣшествованію губернатора, просилъ, между прочимъ, этого послѣдняго распорядиться немедленнымъ разрушеніемъ находящагося въ Коленуревской волости камня, боготворимаго черемисами подъ именемъ Чембулата, что могло-бы, какъ писалъ митрополитъ, «вразумить ихъ о ничтожности сего мнимаго божества». О томъ же получилъ губернаторъ и предписаніе отъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 20 августа, при чемъ требовалось, чтобы этотъ камень, находившійся на берегу рѣки *Немды*, близъ деревни Чембулатовской, былъ взорванъ секретно, безъ предварительнаго оглашенія. Сдѣланное же распоряженіе относительно переселенія въ черемисскія села отъ одного до трехъ русскихъ семействъ, было, по Высочайшему повелѣнію, остановлено «до совершеннаго успокоенія умовъ, ибо всякое приготовленіе къ сему можетъ подать поводъ къ неблагонамѣреннымъ внушеніямъ». Приготовленія эти впрочемъ дѣлались пока лишь на бумагѣ, вызвавъ весьма сложную переписку въ губернскомъ правленіи и казенной палатѣ.

Упомянутый выше камень въ іюлѣ мѣсяцѣ осматривалъ Яранскій земскій исправникъ и нашелъ его «свойства слоистаго известковаго вышиною 11¹/₂ и толщиною 36 аршинъ». По распросамъ у старожиловъ русскихъ оказалось, что «болѣе 40 лѣтъ тому назадъ камень сей не посѣщается уже черемисами. Онъ въ давнихъ годахъ окруженъ былъ густымъ лѣсомъ, способнымъ помѣщать и собирать жертвоприносителей язычества отъ зрителей стороннихъ; но какъ давно уже въ ближайшей окружности того камня умножилось народонаселеніе обывателями русскаго племени, коими все лѣса тутъ бывшіе истребились, оттого черемисы вообще удалились жительствою своимъ въ лѣса на разстояніи 50 и болѣе верстъ». Ожидая окончанія полевыхъ работъ, исправникъ «разрушилъ этотъ камень до основанія» лишь осенью, о чемъ и донесъ губернатору 3 октября.

Второй прїездъ миссіонера Покровскаго къ Уржумскимъ черемисамъ вызвалъ уже въ средѣ этихъ послѣднихъ нѣкоторое противождѣйствіе, подавшее поводъ къ преслѣдованію нѣсколькихъ лицъ. Въ августѣ мѣсяцѣ Уржумскій исправникъ донесъ губернатору, что во время обращенія миссіонеромъ Покровскимъ и имъ, исправникомъ, черемисъ къ правовѣрїю оказано было противождѣйствіе черемисами Билиморской волости Федоромъ Тихоновымъ, Николаемъ Григорьевымъ, Игнатіемъ Максимовымъ и Димитріемъ Ивановымъ, отчего многіе изъ черемисъ отъ намѣренія своего обратиться въ христіанскую вѣру уклонились. Вслѣдствіе этого предположено было означенныхъ четырехъ человекъ выселить изъ мѣста ихъ жительства, а пока они посажены были въ тюрьму, гдѣ и оставались до тѣхъ поръ, пока не окончилась между разными учрежденіями и лицами переписка объ ихъ переселеніи. Губернаторъ, въ виду полученнаго имъ раньше предписанія о прїостановленіи переселенія къ черемисамъ русскихъ семействъ «впредь до совершеннаго успокоенія умовъ», испрашивалъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1830 года разрѣшенія, не слѣдуетъ ли и означенныхъ черемисъ, оказавшихъ противождѣйствіе миссіонеру, оставить на прежнихъ мѣстахъ жительства. Изъ дѣла не видно, какой послѣдовалъ на это отвѣтъ, но видно, что въ декабрѣ упомянутые четыре человека содержались еще подъ стражею.

Не видно также изъ дѣла, что именно сдѣлано было лично протоіереемъ Покровскимъ во второй его прїездъ. Въ концѣ октября мѣсяца губернаторъ, дѣлая распоряженіе о выдачѣ Покровскому подорожной до Москвы, просилъ его, между прочимъ, при отъѣздѣ изъ Уржумскаго уѣзда посѣтить и Яранскую округу, дабы удостовѣриться: успѣш-

ны ли дѣйствія тамошнихъ миссіонеровъ и духовенства въ обращеніи черемисъ въ православіе. Незвѣстно, исполнилъ ли это Покровскій. Но и «тамошніе» т. е. вообще мѣстные Вятскіе миссіонеры дѣлали свое дѣло. Бъ нимъ мы теперь и переходимъ, такъ какъ и ихъ дѣятельность возбуждена все тѣмъ же дѣломъ «о скопищѣ въ Уржумскомъ уѣздѣ черемисъ 3 декабря 1827 г. для жертвоприношенія».

б) Дѣло о бывшемъ въ Уржумскомъ уѣздѣ сборищѣ черемисъ, вызвавшее, по Высочайшему повелѣнію, поѣздку трехъ черемисъ свидцевъ въ Петербургъ и Москву, а затѣмъ и командировку изъ Москвы миссіонера Покровскаго, вызвало вмѣстѣ съ тѣмъ и распоряженіе святѣйшаго синода о миссіонерской дѣятельности мѣстнаго духовенства Вятской губерніи. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1829 года епископъ Кириллъ получилъ изъ святѣйшаго синода указъ, которымъ предписано ему избрать священниковъ, «знающихъ языки новокрещанъ, извѣстныхъ по ученію, а паче по доброй нравственности и отправить ихъ во всѣ мѣста, гдѣ только окажутся отступники отъ вѣры, въ видѣ миссіонеровъ съ надлежащими наставленіями». Въслѣдствіе этого и опредѣлены были миссіонерами слѣдующія лица: по Уржумскому уѣзду—священникъ Уржумской церкви Василій *Рязанцевъ* и села Юледура Козьма *Кафтаниковъ*; по Яранскому уѣзду—Царевосанчурскій протоіерей и благочинный Николай *Курбановскій* и Яранской Троицкой церкви священникъ и благочинный Поликарпъ *Кувшинскій*.

О дѣятельности этихъ лицъ въ томъ же дѣлѣ имѣются слѣдующія свѣдѣнія.

Изъ письма епископа Кирилла къ г. губернатору видно, что Уржумскій миссіонеръ священникъ Василій Рязанцевъ въ послѣднихъ числахъ сентября 1829 года, по приглашенію сотоварища своего Юледурскаго миссіонера Кафтаникова, отправлялся въ деревню Шою-Агануръ и Шойдумъ, пробылъ тамъ у новокрещеныхъ черемисъ четыре дня, но, при всѣхъ убѣжденіяхъ и вразумленіяхъ со стороны миссіонеровъ, черемисы отеклись принять и содержать христіанскую вѣру и даже слушать не хотѣли, такъ что когда—по пути несли чрезъ Шою святыя иконы русскіе жители къ русскимъ же изъ одной деревни въ другую, то едва убѣдили одного той деревни новобрещенна принять иконы въ домъ свой для отдохновенія трудящихся, и когда начали служить Божіей Матери молебень, то не только пришедшіе въ домъ тотъ черемисы ушли вонъ, но и самъ хозяинъ со всѣмъ своимъ семействомъ ушелъ, обазался наиболѣе упорствующимъ. Въ слѣдующей деревнѣ Аганурѣ черемисы, раньше узнавшіе о ихъ прибытіи, всѣ до

одного неизвѣстно куда разошлись. Въ деревнѣ Шойдумъ, переночевавши, миссіонеры по утру собрали всѣхъ черемисъ въ одинъ домъ, долго увѣщевали ихъ принять и содержать христіанскую вѣру, но безуспѣшно. Особенное упорство оказалъ здѣсь пѣвій Мефодій Максимовъ, по черемиски Липать, который отвѣтивъ на увѣщанія: «не хотимъ принять русской вѣры!»—вышелъ изъ избы, а за нимъ и всѣ прочіе черемисы, такъ что и сельская полиція не могла удержать ихъ.

Протоіерей Курбановскій, по назначеніи его миссіонеромъ по Иранскому уѣзду, прежде всего обратился въ Иранскій земскій судъ съ просьбой откомандировать кого-либо изъ членовъ суда для содѣйствія ему по должности миссіонера, такъ какъ «не предвидѣлъ удобства» безъ такого содѣйствія съ успѣхомъ дѣйствовать на черемисъ, «особенно въ лѣсахъ живущихъ». Но земскій судъ отозвался, что всѣ члены его заняты по собственнымъ своимъ должностямъ. Возникла неизбежная переписка: протоіерей архіерею, архіерей губернатору, губернаторъ губернскому правленію, правленіе земскому суду—и все «въ самоскорѣйшемъ времени».

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ протоіерей Курбановскій представилъ архіерею свой путевой журналъ, въ которомъ и прописалъ встрѣченныя имъ въ своей дѣятельности затрудненія. 14 сентября посѣтилъ онъ обширную и многолюдную деревню Пантаево. Жители ея, подстрекаемые коштаномъ, буйнымъ и дерзкимъ той же деревни новокрещеномъ Матвѣемъ Николаевымъ, рѣшительно отказались отъ принятія предлагаемаго имъ евангельскаго ученія. Отъ лица всѣхъ своихъ сосѣдей Николаевъ говорилъ миссіонеру: «тогда развѣ оставимъ мы свои жертвоприношенія и богомолья, когда извѣстится, что всѣ новокрещены бросили оныя, когда семьдесятъ семь вѣръ языческихъ уничтожатся. И голова волостной, и писарь ѣздятъ по селеніямъ съ разсылкой, а при тебѣ нѣтъ никого изъ земскихъ чиновниковъ: кто повѣритъ тебѣ, что начальство послало тебя къ намъ».

Вслѣдствіе этого было предписано «въ самоскорѣйшемъ времени» отрядить къ миссіонеру Курбановскому для содѣйствія особаго чиновника. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ протоіерей Курбановскій совмѣстно уже съ дворянскимъ засѣдателемъ Иранскаго земскаго суда Мячковыхъ объѣзжалъ уѣздъ и, между прочимъ, писалъ архіерею, что когда онъ желалъ узнать въ точности, что пренятствовало Ушинскимъ черемисамъ принять съ покорностію добрыя, какъ сами они сознавались, слова благовѣстника, то «открылось, что всего несогласія, всего упорства былъ главною причиною спутникъ его сельскій засѣдатель Грековъ: побуж-

даемый алчностью къ приобрѣтенію, онъ предварительно собралъ Упшинскихъ черемисъ въ волостное правленіе и внушилъ имъ, что отъ него все зависитъ, что онъ защитникъ ихъ; если они желаютъ остаться въ черемисской вѣрѣ, то собрали бы только со всего общества для него 20 р. и дѣло останется по прежнему. Я помогу вамъ, говорилъ онъ имъ, стойте въ своихъ словахъ: не хотимъ оставить вѣры своей, хотя въ Сибирь посылай. Требованіе было выполнено, и мнимый споспѣшникъ въ глазахъ моихъ былъ равнодушнымъ свидѣтелемъ противленія, а въ отсутствіи моемъ ревностнымъ поборникомъ суевѣрія и главною пружиною упорства». О такихъ злонамѣренныхъ противодѣйствіяхъ миссіи засѣдателя Грекова было сообщено губернатору, назначено было слѣдствіе, раньше котораго, впрочемъ, Грековъ былъ удаленъ отъ службы.

Тотъ же миссіонеръ Курбановскій въ январѣ мѣсяцѣ 1830 года въ рапортѣ своемъ преосвященному высказалъ, что «однимъ изъ надежнѣйшихъ средствъ къ усиленію христіанскаго просвѣщенія въ черемисахъ, кажется, справедливо можно почесть ревностное посѣщеніе видимыхъ храмовъ Божіихъ, о каковой священной обязанности новокрещеные, при всѣхъ убѣжденіяхъ духовныхъ пастырей, совершенно не брегутъ». Вслѣдствіе такого заявленія миссіонера, архіерей просилъ губернатора «предписать Яранскому суду о вмѣненіи въ непремѣнную обязанность старшинамъ и десятникамъ новокрещенскихъ селеній, чтобы они какъ сами приходили, такъ и сосѣдей своихъ, по крайней мѣрѣ по одному человѣку съ каждаго дома, высылали въ церковь въ воскресные и праздничные дни для слушанія божественной литургіи и назидательныхъ поученій о «должномъ и непремѣнномъ» исполненіи этого требованія и было предписано земскому суду. Яранскій исправникъ, свидѣтельствуя предъ губернаторомъ о дѣятельности и усердіи Яранскихъ миссіонеровъ Курбановскаго и Кафтаникова, писалъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1830 г., что «новокрещеные черемисы, по убѣженію гг. миссіонеровъ, по 100 и болѣе человѣкъ, отрицались отъ язычества, съ усердіемъ просили о служеніи молебновъ, присягали въ вѣрности христіанству и, получивъ каждый святую икону, съ радостію расходились въ дома свои, нѣкоторые же изъ нихъ, въ отдаленіи отъ села живущіе, просили даже о устроеніи вблизи къ нимъ церкви». Увѣдомляя, что вообще во вѣренномъ ему уѣздѣ «сохраняется между черемисами тишина и совершенное повиновеніе», исправникъ заканчиваетъ свой рапортъ такъ: «нельзя ручаться за сокровенный образъ мыслей въ отношеніи къ вѣрѣ черемисъ вообще, ибо женскій полъ,

что весьма естественно, имѣеть вліяніе въ семействахъ на поколебаніе мужей или сыновей, но за всѣмъ тѣмъ, сколько миѣ извѣстно, черемисы *нидѣ уже не отправляютъ* публично языческаго богослуженія и на всѣ дѣйствія и убѣжденія къ оставленію обрядовъ языческихъ не оказываютъ явнаго сопротивленія. Конечно, къ совершенному истребленію давняго закоренѣлаго обычая потребно время, но я смѣло надѣюсь, что миссіонеры сіи кроткими благонамѣренными увѣщаніями, при осторожномъ содѣйствіи полиціи, могутъ постепенно достигнуть предположенной правительствомъ цѣли совершеннаго обращенія къ христіанству черемисъ не только мужскаго, но по времени и женскаго пола.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1830 года проѣзжалъ черезъ Уржумскій уѣздъ епископъ Кириллъ и замѣтилъ, особенно въ селахъ Турекѣ и Макаровѣ, какое-то особенное «волненіе умовъ между черемисами». Между ними ходила копія съ указа святѣйшаго синода, даннаго духовной консисторіи, въ которомъ сообщалось, между прочимъ, послѣдовавшее по дѣлу о сборищѣ черемисъ 3 декабря 1828 года Высочайшее повелѣніе о томъ, «чтобъ людямъ симъ, изъ снисхожденія къ ихъ простотѣ, никакихъ притѣсеній чинимо не было и чтобъ съ ними поступлено было съ крайнею осторожностію». Повелѣніе это толковалось, конечно, въ смыслѣ разрѣшенія черемисамъ оставаться въ старой своей вѣрѣ, почему и встрѣчались во многихъ мѣстахъ дѣйствія миссіонеровъ враждебно, вообще же съ крайнимъ недоверіемъ относительно сообразности этихъ дѣйствій съ волею Государя.

Уржумскій исправникъ отъ 16 іюля 1830 г. доносилъ что въ с. Макаровѣ причиною разстройства черемисъ былъ брестьянинъ Сернурской волости Енисей *Шабалинъ*, который говорилъ имъ, чтобы вѣрнѣе держались старой вѣры и что за то ничего худаго имъ быть не можетъ. Епископъ же поручилъ розысвать причины замѣченнаго имъ «волненія умовъ» Московскому протоіерею Покровскому, совмѣстно съ священниками Уржумскимъ В. Рязанцевымъ, Юледурскимъ Кафтанниковымъ и Торьяльскимъ И. Иконниковымъ, которые, послѣ объѣзда черемисскихъ волостей Уржумскаго уѣзда Билямурской, Буйской, Сернурской, Нурминской, Толманской, Лажской, Сабатской, Подгороднецѣпочкинской и Шурминской, сообщили о результатѣ своихъ разспросовъ и разслѣдованій. Архіерей объ этомъ разслѣдованіи писалъ губернатору 30 сентября того же 1830 года слѣдующее: 1) «во всемъ Уржумскомъ уѣздѣ, особенно въ черемисскихъ селеніяхъ, въ нынѣшнемъ году послѣдовалъ неурожай хлѣба, такъ что многіе поля не принесли никакого

плода. Симъ неблагопріятнымъ обстоятельствомъ воспользовавшись, оставшіеся въ язычествѣ барты, ворожен и коштаны упрекали обратившихся въ православіе черемисъ, что Богъ, прогнѣвавшись на нихъ за оставленіе ими старой черемисской вѣры, наказалъ ихъ неурожаемъ, и угрожали, что впредь еще большія несчастія готовятся имъ отъ раздраженнаго стараго бога, если они не обратятся къ нему и по прежнему не будутъ приносить приношеній въ кереметищахъ. 2) Въ Буйской, Сернурской, Нурминской и Толманской волостяхъ некрещеныхъ черемисъ обоого пола находится 1355 человекъ. Сіи черемисы, живя вмѣстѣ съ крещеными, прежде содержали одну съ ними вѣру т. е. языческую, ходили вмѣстѣ въ одни и тѣже кереметища и совершали одинаковые обряды жертвоприношенія, но по обращеніи крещеныхъ въ свою истинную христіанскую вѣру некрещеные остались одни въ кереметищахъ, одни при жертвоприношеніяхъ, одни при совершеніи празднествъ. Почему, сѣтуя о семъ удаленіи отъ нихъ крещеныхъ черемисъ, всячески старались возвратити ихъ къ прежнимъ заблужденіямъ, что и не трудно было имъ учинити, имѣя всегдашнее съ ними обращеніе, какъ однодеревенцами. Сіе самое подтвердилъ Сернурской волости деревни Таран-Кюбаръ некрещеный черемисянинъ Ведесь Паммовъ, который, по увѣренію нѣкоторыхъ русскихъ крестьянъ, всегда старался разстраивать своихъ однодеревенцевъ на сходахъ, а 36 іюня, при посѣщеніи мною с. Маварова, онъ не только былъ тамъ въ толпѣ крещеныхъ черемисъ, но даже наряжалъ и другихъ некрещеныхъ своихъ однодеревенцевъ помогать (по его словамъ), а точнѣе сказать—возбуждать крещеныхъ кричать: старая вѣра!

3) Оставшіеся въ язычествѣ крещеные и въ особенности коштаны равнымъ образомъ усиливались соблазнить обратившихся въ православіе своихъ единоплеменниковъ. Изъ числа сихъ найденъ: а) въ Сернурской волости д. Малаго Чашковла черемисянинъ Захаръ Дмитріевъ, у котораго отысканы бумаги подъ именемъ копій съ указа святѣйшаго синода выправленные, по его словамъ, за дорогія деньги изъ Вятской духовной консисторіи. Сіи копіи онъ выдавалъ за указъ, коимъ Государь Императоръ велѣлъ всѣмъ черемисамъ держать старую вѣру и таковымъ превратнымъ толкованіемъ онъ развращалъ не только своихъ однодеревенцевъ, но и другихъ селеній черемисъ; б) Буйской волости с. Старого Юледура черемисянинъ Афанасій Андреевъ Актышъ, который, по донесенію волостнаго правленія, около двухъ мѣсяцевъ отлучился безъ виду неизвѣстно куда, по слухамъ же онъ ѣздилъ въ сіе время по разнымъ селеніямъ волости Буйской и Сернурской, уго-